

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

Котов обижать
не рекомендуется

Елена Ивановна Михалкова

Котов обижать не рекомендуется

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4603356

Котов обижать не рекомендуется: роман / Елена Михалкова: Астрель;

Москва; 2013

ISBN 978-5-17-115615-2

Аннотация

Говорят, что кошка в доме – к счастью. Но полосатый котенок, подобранный девушкой-фотографом в мокрой песочнице, об этом наверняка не слышал. Годзилла и Конан-варвар в одном усатом лице втягивает свою хозяйку в водоворот из чудовищных стечений обстоятельств, трагических событий и загадочного убийства.

Почему преступник охотится за фотографом? Успеет ли Светлана опередить его? Что скрывают артисты популярного театра? И – кто же все-таки убийца?

Читайте об этом в новом детективном романе Елены Михалковой «Котов обижать не рекомендуется».

Содержание

Глава первая,	4
Глава вторая,	25
Глава третья,	45
Глава четвертая,	75
Глава пятая,	96
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Елена Михалкова

Котов обижать не рекомендуется

Спасение одного кота не изменит мир.

*Но мир, несомненно, изменится для этого одного
кота.*

Неизвестный автор

С чего это вы взяли, что оно не изменит мир?

Неизвестный кот

Глава первая, в которой Кот находится

Котенок не мяукал. Затаился под перевернутой доской, в прошлой жизни служившей бортиком песочницы, и безмолвно таращился на Свету.

Она бы и не заметила его, если б не решила сфотографировать лужу. Лужа как лужа... Вот только в ней отражается облако, похожее на бегемота.

По-хорошему, ей следовало бы уже мчаться к машине, а не замирать над лужами на старых детских площадках. В небе над городом с утра клубилось какое-то адское варево.

Тучи вскипали, бурлили и переливались через край небесной кастрюли теплыми ливнями. Вот снова хохотнул гром, готовясь сбавать безумный джаз на жестяных крышах.

«Всего на секундочку!»

Света присела на корточки, передвинулась, ища ракурс.

И вдруг увидела котенка.

Он сидел, нахохлившись, под облупившейся доской, и был похож на совиного птенца. Слипшаяся от воды шерсть перьями торчала во все стороны.

От неожиданности она чуть не упала в соседнюю лужу.

– Ой! Кис-кис-кис!

Котенок не шелохнулся.

Света поспешно убрала камеру.

– Кис-кис... Ты чей? Иди сюда!

Она осторожно протянула руку. Пальцы коснулись мокрой шерсти.

Света замерла, опасаясь, что бедолага начнет кусаться от страха. Но ничего не случилось. Она осторожно обхватила теплое тельце и вытащила наружу.

– Какой же ты маленький!

И промокший. Он по-прежнему не сопротивлялся, только приоткрыл пасть, словно собираясь мяукнуть. Вблизи он больше походил на воробья, чем на совенка. И расцветка у него оказалась воробьиная: серо-коричневая.

Она огляделась. Может, неподалеку обнаружится хозяин котенка? Или из подвала покажется кошка-мать, вспомнив

о родительском долге?

Но все подвальные окна были наглухо заложены, а из потенциальных хозяев присутствовал только мальчишка лет десяти, выписывавший круги по лужам на велосипеде.

– Мальчик! – окликнула Света и поднялась. – Это не твой котенок?

– У меня собака! – с достоинством отозвался владелец велосипеда. – Лабрадор!

И укатил, тренькая звонком.

Вверху оглушительно громыхнуло. Света вздрогнула, прижала к себе найденыша и быстро пошла к машине. Не оставлять же его здесь...

И тут без дополнительных предупреждений сверху обрушился водопад. Тяжелые струи впились в асфальт. Водосточная труба запела высоким чистым голосом. Сирень в палисаднике звонко захлопала всеми листьями: ливень! да здравствует ливень!

За одну секунду Света вымокла насквозь. Куртка захлопала, словно собираясь вот-вот разрыдаться от обиды, а джинсы отяжелели и мешали бежать. Пока девушка в поисках ключей шарила свободной рукой по карманам, на нее вылилось, по ее ощущениям, еще примерно пятьсот литров свежей дождевой воды.

Наконец ключи нашлись. Машинка чирикнула, признавая хозяйку, и Светлана нырнула внутрь.

– Фууух!

Котенка она выгрузила на соседнее сиденье и первым делом проверила камеру. Слава богу, кофр не протек.

Когда-то Света не пожалела денег на скучную черную сумку и с тех пор ни разу не раскаялась. Сумка оказалась удобной и надежной, а неброский вид тоже служил хорошую службу: поди догадайся, что в таком затрапезном чехле прячется профессиональная техника.

– Что, вымокли мы с тобой? Иди-ка сюда, блохастый! Проведем первичный осмотр пациента.

Пациент пискнул, когда его взяли на руки. Но отбиваться не стал и позволил осмотреть себя со всех сторон.

Что ж, самый обычный полосатый котенок. Два пучка усов и хвост ершиком. Только взгляд на удивление осмысленный. Казалось, котенок тоже смотрит на Свету изучающе и прикидывает, годится ли ему такая хозяйка.

– На лишайного ты не похож, – констатировала Света и вернула зверька на место.

Тот фыркнул. И немедленно принялся вылизываться в тех местах, где шерстку осквернило прикосновение ее пальцев.

– Ну и что мне с тобой делать? Взять тебя я не могу. Меня целыми днями нет дома. Понимаешь?

Котенок завалился на бок, непринужденным движением профессиональной балерины вскинул вертикально заднюю лапу и лизнул то место, которое у человека называлось бы «под коленкой».

Света наклонилась к нему.

– Ты меня слышишь, чучело?

Полосатый оторвался от своего занятия и скептически посмотрел на девушку. Это был очень выразительный взгляд. «И чего мы ждем? – говорил он. – Почему не едем? Я весь промок».

Света вздохнула и повернула ключ зажигания.

В квартире найденыш повел себя как взыскательный клиент, только что вселившийся в сомнительный отель. То есть пошел обследовать комнаты с таким видом, будто не ожидает увидеть ничего хорошего.

А Света рысью помчалась на балкон и раскопала в шкафу старую кювету. Кювета сохранилась еще с тех времен, когда они с папой сами проявляли и печатали фотографии.

– Газеты-газеты-газеты, – бормотала Света, бегая по комнатам и пытаясь отыскать хоть одно печатное издание. Но – увы – газет в ее доме не водилось.

Она заглянула в кухню. Котенок вынюхивал что-то в углу за холодильником.

– Нет-нет-нет! Туалет не там!

Подхватила котенка под живот и сунула в кювету.

– Все свои дела будешь делать здесь. Ясно?

Света была очень убедительна. Человек, который месяц назад закончил ремонт кухни, не может не быть убедительным.

– Ты должен меня слушаться. Я здесь хозяйка!

С грацией лошади, берущей первый приз на скачках, котенок перемахнул через бортик. Вскинул хвост и не спеша направился в облюбованный угол.

– Не смей! – взвыла Света и попыталась сцапать кота.

Рука ее схватила воздух. Полосатый просочился в щель и растворился в темноте.

– А ну выходи! – грозно сказала Света, прильнув щекой к холодному белому боку холодильника.

В глубине у стены что-то прошуршало.

– Выходи, тебе говорят! Сейчас холодильник отодвину!

Если бы Света точно не знала, что коты не умеют смеяться, ей бы показалось, что из щели раздался смешок.

Она поднялась, отпихнула кювету и отправилась на поиски телефона. Пора подключать опцию «звонок другу».

Дроздов взял трубку сразу.

– Леша, у меня котенок, – трагически сказала Света.

– Поздравляю! – отозвался веселый голос.

– Он наглый! Он везде ходит!

– Поставь ему лоток.

– Да не в этом смысле. Он все исследует!

– А ты чего ожидала? – удивился Лешка. – Это животное, оно изучает границы своей территории.

– Я ожидала благодарности за спасение его жалкой жизни, – огрызнулась Света. – И это не его территория, а моя!

– Забудь слово «мое», если решила завести кота, – посо-

ветовал Дрозд.

– Я не решала!

– Тогда откуда он у тебя?

Света рассказала.

– И теперь он сидит за холодильником и не желает выходить!

– Спокойно, без пены! Выйдет. Дай ему время. Еду приготовила?

– Да... – растерянно отозвалась Света. Лешкина манера перескакивать в разговоре с одной темы на другую всегда выбивала ее из колеи.

– Какую?

– М-м-м... Суп из грибов и овощной салат. А что?

Лешка тяжело вздохнул в трубку.

– Ко-ту! – раздельно сказал он. – Коту ты какую еду приготовила? Даже при твоём неумении обращаться с животными вряд ли ты станешь кормить своего подобранца овощным салатом.

– Я умею! – возмутилась Света. – Однажды мне оставляли мопса! На целую неделю.

– Мопс не в счет, – отрезал Дрозд. – У кого не было кота, тот ничего не знает о животных. Так что ты для него приготовила?

– Кажется, в холодильнике было молоко...

В трубке повисло тяжелое молчание.

– Лешенька, – взмолилась Света, – я в самом деле не знаю,

чем его кормить! Давай ты приедешь и все мне расскажешь.

В трубке еще помолчали.

– Пользуешься моей слабохарактерностью, – наконец констатировал Дрозд.

– Добротой твоей безмерной, а не слабохарактерностью! – обрадованно сказала Света, поняв, что помощь придет.

– И тем, что падок я на лесть, – с грустью добавил он. – Черт с тобой, сейчас приеду. И не вздумай поить его молоком!

...Полчаса спустя в дверь позвонили. Как обычно, Дроздов едва не снес плечом вешалку, посоветовал Свете поставить ее в другое место и получил в ответ, что другого места в квартире нет, а он медведь неуклюжий.

Это был ритуал. Их обычное приветствие, означавшее: «У меня все в порядке» – «И у меня все в порядке». Если бы Лешка не задел вешалку, Света решила бы, что случилось что-то серьезное.

Из всех друзей Лешкой звала его она одна. Для прочих он был Дрозд. Во-первых, потому что Дроздов. Во-вторых, потому что поет.

Дрозд пел везде. Еще в школе на каждом уроке насвистывал под нос, отбивая пальцами ритм на парте.

– Дроздов! – взывала химичка, стоя лицом к доске. – Опять художественный свист!

Лешка смущенно умолкал. Но через пять минут задумы-

вался, и тишину снова нарушали негромкие трели.

Внешне Дроздов ни капли не походил на певчую птицу. Был он высоченный, долговязый, с лохматой шевелюрой, летом выгоравшей до пшеничных прядей, и синими глазами. За пару солнечных недель Лешка успевал загореть так, что глаза тоже казались выгоревшими до светло-голубого, речного цвета.

И к тому же громкий, шумный и ужасно неуклюжий. Он хохотал так, что птицы в панике взлетали с деревьев, а прохожие вздрагивали и ускоряли шаг. Под ним рушились школьные стулья, а в его руках куртки сами расходились по швам. Он единственный из всей параллели ухитрился сломать физкультурного «козла», прыгая через него. И пока физкультурник ПалАлексеич обливался слезами над безвременно погибшим снарядам, Дрозд стоял рядом с сокрушенным видом и насвистывал что-то горестное.

При том его любили и одноклассники, и учителя. Первые прощали ему дружбу с девчонкой, вторые – прогулы и мелкие школьные проказы.

Преподавательница русского и литературы, прозванная Бурагиной за выдающуюся носатость, даже взяла на себя благородную миссию очистить речь Дроздова от «нелитературных выражений». «Алексей, ты можешь разговаривать на правильном русском языке! – убеждала она Дрозда. – Бери пример с Морозовой!»

«А у меня что, неправильный?» – удивлялся Лешка.

Буратина всплескивала руками.

«Когда я тебя попросила принести журнал из учительской, что ты мне ответил? «Метнись кабанчиком!»»

«Ну так я и метнулся», – ухмылялся Дрозд.

«Алексей, я прошу, не надо этой специфической лексики. Она тебе не идет. И весь класс потом за тобой повторяет».

Словечки и выражения Дрозда действительно цеплялись за язык с такой же легкостью, как созревшие репейные колочки – за штаны. Леру Ивашину из соседнего «Б», худую, длинную ханжу с вечно поджатыми губами, Лешка как-то обозвал «три метра сухостоя». Прозвище привязалось на все оставшиеся школьные годы, а потом плавно переехало за Ивашиной в институт.

Но все старания учительницы были напрасны. Дрозд оказался неисправим – к большому удовольствию всего класса.

Единственным человеком, ненавидевшим Дроздова от всей души, была Вика Ковальчук.

С пятого класса Вика с гордостью носила кличку «отпетая». И считала своим долгом время от времени подтверждать ее. Просто чтобы не забывали, кто в классе главный.

Главная – она, Вика. Хочет – казнит, хочет – милует. Ковальчук завела себе собственную гвардию, состоявшую из трех сильных девочек, и с их помощью милосердно правила классом.

Или почти милосердно. По вечерам Вику лупила вечно полупьяная мать, а днем Ковальчук отрывалась на одно-

классниках.

Ей нужно было не так уж много: чтобы признавали ее власть и словом, и делом. То есть соглашались с тем, что Вика имеет право залезть в чужой портфель, вытряхнуть оттуда учебники и позаимствовать без спроса ручку. Что она может занять любую парту, стоит ей только пожелать. Или выкинуть кого-нибудь из очереди в столовой, заодно отобрав булочку с сахарной посыпушкой.

На эти не слишком большие жертвы шли почти все. Никому не хотелось заполучить во враги страшную Ковальчук: низкую, широкоплечую, с глазами навывкате. Тем более, что ее гвардия всегда держалась при ней и подчинялась одному щелчку Викиных пальцев.

Среди тех, кто проявлял непонятное упрямство, была Светка Морозова. Как-то раз, когда Вика собралась провести ревизию ее портфеля, Морозова вдруг словно взбесилась: вырвала сумку из рук Ковальчук и выбежала из класса. Мало того, что прогуляла русский, так еще и было бы из-за чего беситься! Ничего такого особенного Светка в портфеле не держала.

После этого Вика официально назначила Морозову на роль школьной дурочки. Светка давно раздражала ее. Высокая, молчаливая дылда, и вечно держится сама по себе. Русичку вместе со всеми не травит. За школой не покуривает тайком от директора. И вообще чокнутая. Разве нормальный человек будет подбирать каштаны на улице и рассовывать их

по карманам? Однажды физкультурник отправил девчонок на турник, так Морозова перевернулась вниз головой, а из нее каштаны посыпались. Ну не дура?

Одна привычка Светки особенно выводила Вику из себя. Морозова могла всю перемену таращиться в окно, как слабоумная. Или на школьном дворе уставится на что-то – и смотрит, смотрит, смотрит... Ковальчук несколько раз походила, приглядывалась. Ничего там не было! Ну, обшарпанный бок уличной скамьи. Или ветка в инее. Или и вовсе кирпич! Валяется в замерзшей луже, а Светка присела рядом на корточки и лыбится. Ну не дура?

Вся, вся Морозова, от коротко стриженных волос («фу, тифозная») до грубых туфель («фу, лошадь») вызывала у Вики необъяснимую антипатию.

А после выступления русички антипатия перешла в ненависть.

Трепетной Буратине сорвали урок. Взбешенная поведением класса, та заявила, что перед ней сборище питекантропов. «Одна Морозова – утонченная натура! – пылко воскликнула учительница. – Луч света среди вас!»

«Что же вы делаете-то, Людмила Прокофьевна, – с тоской подумал «луч света». – Зачем вы меня так подставляете?»

И умоляюще посмотрел на учительницу, взглядом упрямившая ту замолчать.

Но носатая Людмила Прокофьевна обладала чуткостью кастрюли и смысла взгляда не уловила.

– Утонченная! – настойчиво повторила она. – Начитанная! Образованная! Вы все ей в подметки не годитесь!

И торжествующе оглядела класс, довольная тем, что донесла до глупых семиклассников истину.

Тут-то Вике и стало ясно, что с обнаглевшей Морозовой пора что-то делать. Утонченная она... Кобыла дурковатая!

После уроков Ковальчук подстерегла Свету в раздевалке. Встала в дверях, выдвинув на аванпост преданную гвардию: Ленку Бахтину и Наташу Каплун, угрюмых крепких девиц, здоровенных, как тролли. И скомандовала, упиваясь моментом:

– Давайте!

Бахтина и Каплун зажали Светку в углу. Вика подошла, не торопясь, обшарила карманы ее паршивенькой курточки и вытащила все сокровища: штук восемь каштанов. Морозова отчаянно вырывалась, но не издала не звука. Что Вике и требовалось. Она знала, что такие, как Светка, на помощь звать не будут: слишком гордые.

– А говорят, во Франции каштаны едят, – задумчиво сообщила она, подкидывая гладкое коричневое ядрышко. – Может, и ты их жрешь? А, Морозова? Давай попробуем?

И подошла к Светке, приноравливаясь, как бы ловчее напихать дуре в рот парочку каштанов.

Сзади что-то просвистело и больно ударило Вику в спину. Ковальчук отскочила и обернулась.

В дверях возвышался лохматый Дроздов. Портфель, ко-

торый он швырнул в нее, валялся в углу.

– А ну отпустили ее, живо, – тихо приказал он.

– Ты, Дрозд, офигел?!

Дроздов не стал больше тратить времени на уговоры. На его стороне была сила. На стороне Вики Ковальчук только глубокая убежденность в том, что такие парни, как Дрозд, не трогают девчонок.

В столкновении этих двух преимуществ сила победила. Дроздов попросту растолкал Вику, Наташу и Лену. Все трое обнаружили себя валяющимися на полу под чужими куртками. Это было не больно, но очень обидно. А Дрозд молча подобрал рассыпавшиеся каштаны, закинул портфель за спину, взял Морозову за руку и вывел из раздевалки.

Вике ни разу не доводилось получать в школе такой отпор. Она поднялась и накинулась на Бахтину с Каплун:

– Что разлеглись, дуры?! Вставайте!

И обматерила неповинных Ленку с Наташкой.

Но Светку с тех пор обходила стороной. Стало ясно, что тифозную Морозову Дрозд взял под свое покровительство.

Вика никак не могла понять, отчего Дроздов выделил эту долговязую уродку из всех девчонок их класса. На следующий день после происшествия в раздевалке они сели вместе. Вика с отвращением наблюдала, как Морозова смеется его шуткам, а Дрозд паясничает, довольный, что развеселил ее.

Ковальчук настроила своих приспешников, и те пытались дразнить Дрозда и Морозову. Для разминки – «тили-ти-

ли-тесто», а потом и похлеще. Но не прижилось. Не было у этих двоих никакого тили-тили-теста, а было что-то другое, Вике непонятное и оттого бесившее ее.

До конца четверти ей так и не удалось придумать, как разобраться с ними. А потом Дрозд со Светкой неожиданно ушли из школы. У Морозовой умер отец и семья переехала в другой район, а Дрозд, как говорили, перешел с подругой «за компанию».

Ну не идиот ли? Вика окончательно убедилась, что два придурка нашли друг друга, и продолжала властвовать над покорным классом. О своем унижении в раздевалке она постаралась забыть.

...В пакетах оказался корм, две миски, шампунь от блох, лоток, игрушки для котенка и какие-то гранулы в пакете.

– Наполнитель, – пояснил Лешка. – Удобнейшая вещь. Ну, где твое приобретение?

– За холодильником. Так и сидит, негодяй.

– Ничего, сейчас выйдет.

Дрозд порылся в пакете и извлек оттуда длинную палочку с ярко-розовым перышком на конце.

– Универсальный Выманиватель Котят! – объявил он. – Цыпа-цыпа-цыпа...

И зашуршал палочкой перед холодильником.

Не прошло и полминуты, как из щели взмахнула быстрая лапа. За лапой высунулся нос. Через минуту весь котенок увлеченно играл с пером.

– Ну-ка, ну-ка...

Дроздов подхватил полосатого и быстро, но внимательно осмотрел со всех сторон. Света уважительно наблюдала.

Лешка любил котов. Дома у него жили два помоечных черно-белых найденыша со странными именами Бронислав и Никодим. Из скелетов, обтянутых драной шкурой, оба вымахали в огромных пушистых зверей. Они ходили за Дроздом по пятам, как собаки, и боролись за место на его подушке.

Время от времени Лешка подбирал еще какого-нибудь несчастного, приводил в божеский вид и пристраивал в хорошие руки.

– Ухи грязные... – бормотал Дрозд. – Ребра выпирают... Ну, и блох полный мешок. Типичный бездомный кошак. А рожица ничего, симпатичная.

Он бережно отпустил котенка на пол, и тот немедленно помчался разбираться с перышком.

– Блох выведешь, это ерунда. В уши прокапаешь лекарство, проверишь у ветеринара на предмет лишая – и получите-распишитесь-верните ручку. Готовое домашнее животное.

Света так и села в кресло. Господи, блохи! И, возможно, лишай.

– Леш, возьми его себе! – умоляюще попросила она. – Ну пожалуйста! Я с ним не справлюсь!

Но Дрозд только насмешливо хмыкнул.

– Попрошу без манипуляций. У тебя ему будет хорошо.

– Зато мне с ним будет плохо!

– Ничего, привыкнешь, – бессердечно заметил он. – Иначе ты со своей работой скоро человеческий облик потеряешь. Тебе нужен тот, о ком ты будешь заботиться.

– Мне нужен тот, кто будет заботиться обо мне!

– Я давно предлагаю свою кандидатуру, – мигомотреагировал Дрозд. – Берешь?

Света против воли улыбнулась. Это Лешка-то будет о ней заботиться? Безалаберный Лешка, живущий от выступления до выступления? Весельчак, раздолбай и бабник Лешка, в квартире которого вечно отирается какая-нибудь девица с шальными глазами? Ха-ха! Нетрудно представить, вот что превратилась бы их совместная жизнь.

– Ты способен заботиться исключительно о своих котах! – уколола она.

– А ты – только о своей бесценной камере! – парировал Дрозд. – Тебе просто показано живое существо в доме. Как лекарство от одиночества.

– А если меня устраивает одиночество?

– Верь мне, коты сами по себе не заводятся. Кот – это не вошь. Считай, небеса тебя облагодетельствовали.

– Я бы предпочла деньгами!

Дрозд строго погрозил ей пальцем:

– Не торгуйся с провидением! Раз не согласна на меня, бери этого, полосатого. Кстати, где он?

Котенок обнаружился за креслом. Розовое перышко торчало у него из пасти.

Дрозд бесцеремонно отобрал у него игрушку и почесал за ухом:

– Выглядишь так, будто сожрал фламинго. Надо тебя покормить.

Пока кот поглощал свой корм, Света попыталась еще раз уговорить Дрозда приютить бедняжку. Но тот был непреклонен.

– Двоих мне достаточно. Для третьего уже не хватит ресурсов. А у тебя хватит.

– Откуда ты знаешь?

– Один человек предназначен для того, чтобы обслуживать двух котов. У тебя еще есть запасное место.

– Ты сам сказал, что я не умею с ними обращаться. Я ничего в них не понимаю!

– Вот заодно и научишься. Кстати, я тут песенку написал про кошку. Натурально детская песенка вышла.

– Детская?

– Угу. Вот, послушай.

И, отбивая такт по спинке кресла, Дрозд негромко запел:

– Кошка гуляет сама по себе.

Ходит по крышам.

Сидит на трубе.

Любит послушать, как дождик шуршит,

И никогда
Никуда
Не спешит.

Кошка гуляет все время одна.
Бродит в подвалах.
Сидит у окна.
Любит послушать, как ветер свистит,
И никогда
Ни о чем
Не грустит.

Даже когда вы сидите вдвоем,
Кошка
Мурлычет
О чем-то своем.
Шепчется с ветром и теплым лучом,
Но
Никогда
Не расскажет,
О чем.

Дрозд замолчал. Света хотела сказать, что песенка не такая уж и детская, но бросила взгляд на полосатого и осеклась.

Котенок смотрел на Дрозда, словно позабыв про недоенный корм. Очень внимательно и сосредоточенно.

– Леш... – осторожно начала Света. – Он, по-моему, что-

то хочет от тебя.

Дрозд хлопнул себя по лбу.

– Лоток! Тащи пакет с наполнителем.

Когда место для котенка было обустроено, Дрозд собрался уходить.

– Бросаешь меня, – мрачно сказала Света. – Оставляешь с этим безымянным чудовищем наедине.

– А почему оно у тебя безымянное? – встрепенулся Лешка.

– Потому что само оно не представилось. А времени придумать имя у меня не было.

– Сейчас сообразим, подожди. Что-нибудь символическое, в честь того места, где ты его нашла.

– Песочница? – усомнилась Света.

– Да нет же! Улица как называлась?

– Краснопролетарская.

Дрозд поднял вверх указательный палец и уверенно объявил:

– Вот и прозвище: Красный Пролетарий!

Света содрогнулась. Котенок, кажется, тоже.

– А если бы я его подобрала на улице Кирпичные Выемки, он был бы Кирпичная Выемка? А если, страшно сказать, на Лихоборских Буграх?

– Был бы Бугор, – менее уверенно согласился Дрозд.

– Ну да. Лихоборский. Бугор Степанович.

Лешка прищурился на кота.

– Нет, не похож. Какой из него бугор? О, придумал! Микроб. Сокращенно – Микроша. Мелкий и вредоносный.

– Знаешь, что... – угрожающе начала Света.

– Ладно, – сдался Дрозд. – Раз не хочешь мелкое и вредоносное, назови его Тихоном. Тишка – самое кошачье имя! Будет он у тебя спокойный и тихий. Еще двадцать раз поблагодаришь меня, что я выбрал для него такую мирную кличку.

Закрыв за Дроздом дверь, Света вернулась в комнату. Котенок запрыгнул на кресло и спал на боку. Живот у него раздулся, словно он проглотил теннисный мячик и теперь переваривал.

Она осторожно потрогала шерсть на его брюшке. Ощущение было такое, словно окунаешь пальцы в тополиный пух, нагретый солнцем.

– Тихон, значит, – вполголоса сказала Света. – Тиша...

Глава вторая, *в которой Кот исчезает*

Ваза разбилась с таким грохотом, словно упала не со стола, а с десятого этажа. Котенок перемахнул на книжную полку и уселся там, удивленно поглядывая вниз. Надо же, вазу кто-то разбил... В пять утра, заметьте.

– О, господи! Вторая ваза! У тебя совесть есть или нет?

Тихон уставился на хозяйку.

– Кошка – грациозное животное! – закричала Света, тряся перед носом кота толстенной книгой «Все о кошках». – Вот, читай! Видишь? Грациозное! Бесшумное! Изящное! А ты кто, корова полосатая?!

Полосатая корова разинула пасть, беззвучно расхохоталась Свете в лицо и ускакала вдаль по книжным полкам.

Света отбросила книгу и пошла собирать осколки.

– Это не кот, а какое-то стихийное бедствие... – бормотала она, ползая по ковру.

Пора составить реестр, в который она внесет ущерб, нанесенный дому за два месяца жизни с этим безумным животным.

Фигус пятилетний – одна штука. Сначала Тихон играл в кондуктора. Только этим можно объяснить, почему у бедного растения был прокомпостирован зубами каждый лист. За-

тем котенок потерял к нему интерес, и Света опрометчиво заключила, что искусанному деревцу больше ничего не грозит.

И ошиблась. В одно странное утро Тихон внезапно решил, что в нем течет кровь древнего рода бобров, и аккуратно подгрыз ствол у основания. Этого фикус уже не пережил.

Вазы и бокалы – в общей сложности пять штук. Эти пали жертвой его неуклюжести, хотя временами Света подозревала кота в скрытой ненависти к хрусталу.

Пара элегантных лаковых туфель с бантиками. У одной был сгрызен нос, у другой откушен бантик. Бантик чуть позже обнаружился в горшке, где когда-то радовался жизни фикус. Света утешала себя тем, что Тихон таким образом пытался вырастить новую туфлю.

Она выпрямилась и окинула комнату критическим взглядом. Есть ли что-нибудь еще, что можно уронить, покусать или разбить? Кажется, ваза была последним хрупким предметом.

Она вздохнула и побрела в кровать. Спать, спать, спать!

А это что за странный звук?

– Тишка! Тихон, ты где?

Света открыла дверь ванной и замерла, пораженная открывшимся видом.

Здесь только что закончилась страшная битва. Кот отчаянно сражался с рулоном туалетной бумаги и после долгой кровопролитной борьбы одержал победу. Сотни обрывков

усеяли пол, подобно снегу. Сам Тихон, обвитый длинной белой лентой – ни дать ни взять награжденный генерал – сидел на краю умывальника и торжествующе озирал окрестности. Из пасти его свисал одинокий растерзанный кусочек. Похоже, последний метр соперника был показательно съеден в назидание другим рулонам.

– Ах ты подлец!

Тапочка прилетела в лоб победителю как раз тогда, когда он упивался триумфом.

Тихон вздрогнул и свалился в раковину. Сверху на него упала электрическая зубная щетка и задергалась в эпилептическом припадке, ища, что бы почистить. Ошалевший кот пулей выскочил наружу и помчался прочь, на ходу сбрасывая генеральскую ленту.

Света застонала. Выключила щетку и принялась собирать обрывки, мысленно проклиная тот день, когда решила сфотографировать лужу.

Кот оказался сущим стихийным бедствием. Он приходил к Свете в четыре утра, требуя хлеба и зрелищ. Он кусал ее за пятку, которой она пыталась спихнуть его с кровати, и использовал ее голову в качестве батута. Он раздваивался и растраивался, он мистическим образом делился на дюжину маленьких тихонов, от которых не было спасения. Он мяукал из каждого угла, прятался за каждой дверью.

Решив оставить у себя найденыша, Света и не догадывалась, что подписывает договор с чертом: она, Светлана Мо-

розова, берет на содержание сотню бесенят в образе одного-единственного маленького полосатого котенка, а взамен получает прерванный сон, испорченные вещи, шерсть в тарелке с супом... Что еще? Ах да, наполнитель из кошачьего лотка в своей постели.

Кот обладал любопытством сороки и ее же неразборчивостью. Его интересовало все. Что в пакетах, которые Света приносит из магазина? Каковы на вкус шнурки от ботинок? Кто живет в унитазе, и можно ли его поймать?

В результате Света подбирала лохмотья разорванного пакета, меняла шнурки, вылавливала кота из унитаза. Тот обсыхал, встряхивался и снова отправлялся исследовать мир.

Ночью у Тихона наступало время охоты.

Прочитав в книге, что кошки – бесшумные животные, Света долго смеялась. А потом боролась с желанием отвезти Тихона к автору и оставить на пару ночей. Чтобы после с полным правом потребовать официальных извинений и компенсации за введение в заблуждение.

Днем котенка с натяжкой еще можно было назвать бесшумным. Он бесшумно делал какую-нибудь пакость и так же тихо смывался.

Но стоило опуститься сумеркам, как Тихон преображался. Он словно задавался целью извлечь максимум громкости из всего, что могло издавать звуки. Он шуршал, грохотал, пыхтел – даже скрипел! По ночам Свете снились привидения в оковах и лошади, табунами мчащиеся по ее новому парке-

ту. Носороги в доспехах устраивали турниры в ее гостиной и громко чествовали победителя. Света просыпалась в ужасе и обнаруживала котенка, тарасившегося откуда-нибудь из угла с самым невинным видом.

А ближе к семи утра он забирался хозяйке в волосы, вил из них гнездо и засыпал.

Проснувшись по будильнику, Света попыталась оторвать голову от подушки. Как всегда, с первого раза у нее ничего не вышло. Тихон не собирался сдавать теплое место без боя.

Наконец она освободилась. Котенок тотчас раскинулся на подушке, по-человечески закинув две тощие конечности за голову. Она поворошила теплый пух на его животе.

– Зачем вазу разбил, поганец? Разрушитель уюта!

Кот дремал.

– Ты весь день можешь отсыпаться, а у меня сегодня съемка. Слышишь, чудовище?

Чудовище слабо дрыгнуло задней лапой.

– Важная съемка! И очень трудная. Мне дали всего полтора часа на работу. Представляешь, как мало?

Кот приоткрыл один глаз.

– Я ни разу там не была. Мне нужно осмотреться, понять, что со светом... Минимум три часа, минимум!

Света вскочила, разволновавшись. Кот оказался идеальным собеседником: он слушал и не перебивал.

– А отказываться нельзя. Это очень серьезный проект!

Повезло, что меня взяли. Знаешь, сколько фотографов готовы были сорваться с места по их первому зову? Снимать хоть самого черта!

Света замолчала. А секунду спустя поймала себя на том, что прикидывает, насколько выразительно можно снять властителя ада в домашнем интерьере: на заднем плане котлы, курчавые головы грешников, блики огня на стенах...

«Вот это и есть профдеформация».

Она подошла к окну и распахнула створку.

Город только пробуждался. Даже машины сигналили хриловато, будто не проснулись до конца.

В песочнице сидела ранняя мама с малышом в панамке. Панамка была синего цвета, выцветшая на макушке.

И небо над Светиной головой было как панамка, надетая на макушку города. По краям – ярко-синее, а в середине светлое, нежное, голубое.

Одно-единственное толстое, как слон, облако висело над соседним домом. Ветер пихал облако в бок, точно уговаривал: ну давай же! полетели! Наконец облако встряхнулось и лениво поплыло к Останкинской телебашне, оставляя за собой пушистые клочки, зацепившиеся за антенны.

И в этой мирной утренней картине ничто не предупреждало о поджидающих впереди неприятностях.

За утренней чашкой кофе Света изучала материалы, которые передали ей из редакции. Хотя про Анну Васильевну

Стрельникову она слышала и раньше.

Актриса, сорок пять лет, прима театра «Хронограф». Спектр характеристик не слишком широк: от заезженного «стерва» до осторожного «дама с характером». Властна, авторитарна, бывает очень резка, о чем Свету предупредили заранее.

«Если начнет скандалить и кричать, не обращайтесь внимания. Спокойно продолжайте делать свою работу».

«Для этого нужно иметь крепкую психику, – подумала Света. – Как у матерого учителя начальных классов. А у меня она не такая. У меня психика нежная, как фиалка на залитом солнцем поле. Я человек тонкой душевной организации и не хочу, чтобы на меня кричали».

Но всего этого Света не сказала. Лишь кивнула и заметила, что постарается не сердить Анну Васильевну.

«И ни в коем случае не опаздывайте! Она не переносит задержек, даже минутных. Откажется от съемки и сорвет нам всю сессию».

«Я приеду пораньше», – заверила Света.

«И учтите, что у вас только сорок минут».

Что?!

Тут Света вышла из себя. Из себя она обычно выходила тихо, не хлопая дверью. Посторонний человек мог даже не догадаться о том, что Светланы Морозовой тут уже нет.

Но на этот раз трансформация была очевидна всем. Света могла безмолвно снести многое. Кроме покушения на рабо-

чий процесс.

– Я не в состоянии отснять такую сессию за сорок минут, – неожиданно жестко сказала она. – Это не работа, а халтура.

Окружающие озадаченно переглянулись. Бунта фотографа никто не ожидал.

Первой подала голос Ниночка, двадцать три года, секретарь редактора.

– А Юзек Карш, всемирно известный фотограф-портретист, мог сфотографировать человека за пять минут так, что получался шедевр, – нравоучительно сказала она.

Ниночка всегда делала замечания с оттенком легкого превосходства. А Света всегда эти замечания проглатывала.

Но не в этот раз.

– Во-первых, не Юзек, а Юсуф, – сухо сказала она. – Во-вторых, вы можете обратиться к нему. Пусть он и снимает Стрельникову.

Ниночка открыла рот и закрыла. Только вечером того же дня она вспомнила, что в статье про Карша (Нина прочла ее дважды, чтобы при случае блеснуть эрудицией) упоминалось, что тот умер в две тысячи втором году. И почувствовала неприятную уверенность, что Морозова об этом отлично знала.

Редактор попробовал торговаться. Он даст фотографу пятьдесят минут! Пятьдесят пять! Час!

Света стояла на своем. Она сделает работу качественно или не будет делать вообще.

В конце концов отправили парламентаря звонить Стрельниковой. Вернувшись, тот ликующе сообщил, что прима согласилась увеличить время аудиенции до полутора часов. И ни в коем случае не опаздывать.

Все вопросительно посмотрели на фотографа.

– Больше выторговать не получится, – предупредил парламентар.

Света подумала и нехотя кивнула.

Окружающие хором просияли.

– Я знал, что мы договоримся, – пробасил редактор. – Все будет в порядке. Даже не сомневайтесь.

Дружными возгласами сотрудники подтвердили его слова. Конечно, все будет в порядке! Не сомневайтесь, Светлана Валерьевна!

По комнате волнами разливалась убежденность: все будет хорошо.

И, оказавшись в центре волн, Света вдруг поняла, что зря ввязалась в проект.

Никаких разумных подтверждений этому чувству не было. Но на секунду она ощутила себя пловцом, оказавшимся в море далеко за буйками. И море спокойно, и буйки недалеко, и купальщики у берега беззаботны и крикливы... Но от кончиков пальцев до макушки тебя вдруг пронзает холод. Словно в синей толще воды бесшумно проскользнула тень с острым плавником на спине.

Собираться она начала заранее. Поставила на кровать сумку и уложила камеру, вспышку, дополнительные объективы и два отражателя. Котенок ходил вокруг, лез под руку и щекотал усами.

– Тихон! Не мешай!

Света вытащила из шкафа голубые джинсы и темно-синюю рубашку. На работу она всегда старалась одеваться так, чтобы выглядеть незаметной. В идеале фотограф должен сливаться с окружающим пространством.

«Тебе нужно быть серой мышью, – учил ее знакомый фотохудожник. – Люди опасаются тех, кто выглядит ярче их. Тебе ведь не хочется, чтобы они стеснялись и замыкались?»

Света приложила к себе рубашку и объявила голосом Уилла Смита из фильма «Люди в черном»:

– Я – серая мышь в подвале. Я – пепельная моль в шкафу! Мимикрия – вот мой девиз.

Кот, разлегшийся возле сумки, смотрел скептически. «Ничего себе моль – метр восемьдесят без каблуков, – читалось в его взгляде. – Лошадь ты на лугу. Выпь болотная».

– А ты не критикуй, – сказала Света. – Сам на кого похож? На глисту с усами.

Тихон потупился. За пару месяцев он вытянулся в длину, превратившись из нахохлившегося воробушка в полосатый шланг.

Деликатно пропиликал телефон. Звонил Дрозд – узнать,

как дела.

– Если Тихон продолжит так расти, то вместо кота у меня будет такса. – Света прижала трубку ухом к плечу, натягивая джинсы. – Лешка, дружище, поругай меня сегодня как следует.

– Что у тебя?

– Одна актриса со сложным характером. Говорят, ест фотографов на завтрак.

Света усмехнулась, давая понять, что сама не относится к сказанному всерьез.

Лешка помолчал.

– Очень боишься? – негромко спросил он.

Света прикусила губу. Глупо притворяться перед человеком, с которым дружишь с седьмого класса.

– Ужасно боюсь!

– С тобой съездить? – предложил Дрозд. – Посижу в машине, пока ты работаешь. Стану посылать тебе мысленные лучи поддержки. У меня все равно первая половина дня свободна.

Света представила, как это будет, и вдруг поняла, что ей действительно было бы легче. Только Лешка знал о том, что с ней происходит, когда на нее кричат.

– Не получится, – с сожалением сказала она. – Я сегодня на такси.

– Почему не на своей?

– Фару разбили на стоянке. Пришлось отогнать в сервис,

чтобы заменили.

– Когда такси?

– Через десять минут.

– Н-да, не успею.

– Ну что ты, Леш, я справлюсь! – От фальшивой уверенности в своем голосе Свете самой стало противно. – В конце концов, у меня всего полтора часа. Так что времени на рефлексии не будет.

– А где живет эта актриса?

– Где-то на Новорижском шоссе. Все, Лешка, мне пора бежать! Позвоню, когда все закончится!

– Ни пуха ни пера, – пожелал Дрозд.

– К черту!

Десять минут, десять минут... Света открыла компьютер и нахмурилась: Яндекс информировал, что город забивается пробками.

Света рассчитала время так, чтобы приехать на полчаса раньше. Лучше побродить возле дома Стрельниковой, чем опоздать.

Она обернулась к Тихону:

– Ты восхищаешься моей предусмотрительностью?

Но кот куда-то смылся.

– Тихон! Эй, животное!

Опять сражается с рулоном туалетной бумаги?

– Тишка, смотри у меня! – сурово сказала Света в пространство квартиры.

Если кот и услышал ее, то ничем этого не показал.

Телефон зазвонил снова.

– Здравствуйте-такси-заказывали? – скороговоркой проговорила диспетчер. – Задерживается машинка, придется подождать.

– Задерживается? На сколько?

– Минуточек на пятнадцать-двадцать.

– На двадцать минут?! – ахнула Света. – Я ведь заказала у вас машину три часа назад! Неужели водитель не в состоянии подъехать вовремя?!

– Пробки, извините, – холодно информировала диспетчер. – Отменяете заказ или будете ожидать?

Света быстро просчитала дальнейшие шаги.

Если позвонить в другую службу такси, ждать придется еще дольше. За двадцать минут подать машину в утренний час пик – нет, невозможно.

Если выбежать ловить частника, то неизвестно, на кого попадешь. Он может не знать адрес, они проплутают, и она опоздает.

– Я дождусь, – решила Света. – Такси точно подъедет через пятнадцать минут?

– Через пятнадцать-двадцать.

– Хорошо.

Двадцать пять минут спустя, стараясь не волноваться, Света звонила в службу такси. Еще три минуты ждала, пока

ее соединят. Стрелки часов, казалось, безжалостно ускорились.

– Где моя машина? – быстро спросила она в ответ на деловитое «Слушаю вас». – Должна была прийти десять минут назад.

– Ваш адрес?..

Еще две минуты ожидания. Чтобы занять время, Света пробежала по квартире с трубкой в руке, заглянула во все углы.

Кот не показывался на глаза.

Встревожившись, Света открыла балконную дверь и высунулась наружу. Конечно, дверь была прочно заперта, а человечество еще не изобрело способа проходить сквозь стекло. Но то – человечество, а то – коты.

– Тиша! Тишка-Тишка-Тишка!

Какой-то ополоумевший воробей спикировал на нее сверху и умчался прочь.

Света озадаченно посмотрела ему вслед. После двухмесячного знакомства с Тихоном она готова была признать за котами способность просачиваться через стены. Но превращаться в воробьев – нет, исключено!

– Вы слушаете? – резко спросили ей в ухо.

Света вздрогнула и чуть не выронила телефон.

– Да... Да, я здесь!

– Подъехала ваша машинка. Ждет у подъезда.

«Какое у них все уменьшительно-ласкательное, – мельк-

нуло у Светы в голове. – Машинка, минуточки... А недовольные клиентки устраивают скандальчики».

– Спасибо, до свиданья, – очень быстро проговорила она.

Правильнее было бы рывкнуть от души: «Почему так поздно?!» Но Света абсолютно не умела ругаться. Она также не умела бросать трубки, перебивать собеседника, ставить на место хамоватых кассирш и работников почты. Когда-то давно отчим пытался научить ее «защищать свои права». Но результат его педагогических усилий оказался не просто далек от ожидаемого, а прямо противоположен.

Света вжикнула молнией сумки, перебросила ее через плечо и охнула от тяжести. Крикнула напоследок:

– Тихон, веди себя прилично!

Не дожидаясь старенького медлительного лифта, сбежала вниз по лестнице. Такси, к счастью, оказалось прямо перед подъездом.

Когда Света захлопнула дверь, немолодой водитель обернулся к ней.

– На третьем кольце пробки, – флегматично сообщил он. – Как поедем?

– Через центр.

Водитель округлил глаза:

– Так в центре-то еще хуже! Все стоит!

Света наклонилась к нему.

– И что же, – очень вежливо спросила она, – мы останемся здесь и подождем, пока пробки рассосутся?

Водитель ухмыльнулся. Его явно устроил бы такой вариант. Но затем взглянул на пассажирку, проворчал что-то недоброе и тронулся с места.

Света откинулась назад и открыла окно. Ветер щедро швырнул в душный салон запах травы.

Только бы успеть! Как она станет объяснять редактору, что опоздала на встречу с актрисой?

«А если Стрельникова начнет меня отчитывать...»

Света нервно сомкнула пальцы в замок. В голове зазвучал желчный голос отчима:

«Ты что – тряпка?! Мямля? Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!»

Когда-то отчим служил в армии. Армейские привычки он перенес в семейную жизнь.

«Если на тебя орут, ты должна – что? Отвечай! Ты должна так наорать в ответ, чтоб эта гнида обмочилась, ясно!»

Четырнадцатилетняя Света бледнела и кивала. Ей было скверно. Скверно от брани отчима, от его покрасневшего лица, в котором странным образом читались одновременно раздражение и удовлетворение.

«У меня, считай, ты проходишь закалку. Тренирую я тебя, поняла? Готовлю к суровой жизни».

«Смотри на меня! Что ты там на стене увидела?»

«Ну, давай, отвечай мне! Отвечай, мямля!»

Света вытерла вспотевшие ладони о джинсы. Она успеет.

Никто не будет на нее кричать.

Сумка, лежавшая рядом, пошевелилась.

Девушка вздрогнула и уставилась на нее.

По ткани прошла отчетливая волна. Как будто фотокамера решила выбраться наружу.

Изумленная Света медленно потянула на себя молнию.

Толстые сумочные бока разошлись в стороны.

Между ними на фототехнике распластался котенок.

Света взвыла, как человек, прищемивший пальцы дверью.

Или как опаздывающий фотограф, обнаруживший в сумке незапланированного кота.

В ответ Тихон проворно закопался между объективом и вспышкой.

– Что такое?! – испугался водитель. – Ты там, часом, не рожаеть?

– Лучше бы я рожала, – прорычала Света, выуживая упирающегося зверя.

– Да что там у тебя?

– Животное!

Опровергая эту характеристику, Тихон угрем выскользнул из ее рук и залег на дно.

– Господи, за что мне такое наказание?!

Света схватилась за голову. Картина случившегося была совершенно ясна: Тихон, обожавший укрытия, забрался в сумку, пока она бегала по квартире с телефоном. И затаился в надежде, что его не обнаружат. Так и вышло.

А она еще упивалась своей предусмотрительностью! Как можно было не проверить содержимое сумки, зная о маниакальном желании этого кота утрамбовать себя в любую свободную емкость! Только вчера Света своими глазами наблюдала, как Тихон пытается сложиться в спичечный коробок.

Что теперь делать? Она не может притащить кота на съемку! И отвезти его домой они не успеют: опоздают как раз на полтора часа, отведенные для работы.

Или все-таки предстать перед Стрельниковой с Тихоном на руках? Объяснить ситуацию, попросить о снисхождении...

Ей представилась эта сцена. «Простите, я случайно привезла к вам котенка. Он очень послушный! (Тихон вырывается из рук и исчезает в соседней комнате). Обещаю, он никому не помешает!» (на заднем плане звук разбивающейся китайской вазы династии Мин).

Нет, невысказано. Как говаривал Дрозд о невыполнимых проектах, проще сразу закататься в рубероид.

К тому же в памяти всплыло, что актриса, кажется, терпеть не может животных.

Может, выдать кота за реквизит?..

От бессилия Света застонала. Таксист опасно глянул на нее в зеркало.

– Встанем все-таки, а? – предложил он.

– Ни в коем случае! М-м-м... Послушайте, вы сможете подождать меня полтора часа?

«Оставлю Тихона в машине! Прямо в сумке».

– Не, не могу, – отказался таксист. – У меня заказ после вас.

– Отмените! – взмолилась Света. – Я заплачу, сколько скажете.

Но мужчина отрицательно покачал головой и повторил:

– Не могу.

Когда машина остановилась у дома Стрельниковой, до назначенного часа оставалось три минуты. Они успели.

Высадив пассажирку, водитель так поспешно рванул с места, словно опасался, что она побежит за ним.

Сжимая сумку в руках, Света взлетела на четвертый этаж. Кот не напоминал о себе.

Две минуты.

– Тишка, – позвала она почему-то шепотом. Заглянула внутрь.

Котенок лежал расслабленно, как отдыхающий на пляже Турции, и имел вид созерцателя.

Света смотрела на него, кусая губы. Затем, приняв решение, вытащила камеру и вспышку. Она старалась не думать о том, что будет, если кот замыкает от скуки.

– Будешь спать, – предупредила Света. – Издашь хоть звук – убью.

Полосатое лицо Тихона приобрело оскорбленное выражение. Он прикрыл глаза, всем своим видом демонстрируя, что спать – это его естественное состояние. Какие звуки, что вы,

он вообще практически немой.

Света взглянула на часы.

Одна минута.

Она бесшумно закрыла молнию, оставив дырку для доступа воздуха. Поднялась, постаралась улыбнуться невымученной улыбкой (получилось не очень). И нажала на кнопку звонка.

Дверь распахнулась.

– Вы пунктуальны, это прекрасно, – звучно сказала Стрельникова. – Здравствуйте. Проходите.

Глава третья, *в которой Кот держит обещание*

Света Морозова была человеком деталей. Маленькое казалось ей важнее большого, частное интереснее целого. Она не снимала дом целиком, если можно было сфотографировать гнездо воробьев под стрехой. Она не делала интерьерных портретов «дама в гостиной», если могла уговорить даму взять в руки книгу или незаконченную вышивку.

Анна Васильевна Стрельникова наотрез отказалась сниматься с рукоделием. Хотя и корзинка с мулине стояла возле кресла, и лепестки маков свешивались, как живые, с льняной канвы.

– Но ведь это очень красиво, – осторожно заметила Света.

– Бабское занятие, – отрезала Анна Васильевна. – Я позволяю себе расслабиться раз в неделю. Успокаивает нервы, знаете ли. У меня нервы как паутина.

Она соткала в воздухе что-то эфемерное.

– Но показываться другим с этими дурацкими ниточками-иглочками – боже упаси! Вышивка – свидетельство того, что у женщины куча свободного времени, но она по своей глупости понятия не имеет, чем его занять. Вы же понимаете, что я не сама создаю рисунок, а использую готовую схему.

– Ну и что? – не поняла Света.

Актриса с сожалением посмотрела на нее.

– Милая моя, но ведь это то же самое, что раскраска для маленьких детей. Иллюзия творчества для бездарностей, жвачка для пальцев.

Она взмахнула тонкими руками.

– Я изумляюсь, когда вижу с вышивками молодых женщин. Мне хочется крикнуть им: милые, вокруг столько занятий! Столько неисследованного! У вас есть прекрасная возможность осваивать этот богатый мир, ходить по музеям, смотреть спектакли, учиться петь и рисовать! И что вы делаете вместо этого? Создаете нечто уродливое, чтобы потом с гордостью повесить на стенку в прихожей. Пожалуйста, работаем...

Анна Васильевна с профессиональной точностью человека, привыкшего к съемкам, приподняла подбородок и посмотрела чуть выше Светиной макушки. Фотографу оставалось только нажать на кнопку. Щелчок, другой, третий... Света была уверена, не проверяя, что все три кадра вышли отлично.

Или, вернее, они вышли такими, какими задумала их актриса. А не она, Светлана Морозова.

Все эти позы, повороты, взгляды были отработаны бесчисленное множество раз. Шаблон, стандарт. А Света терпеть не могла работать по шаблону.

Другого человека она попросила бы «переиграть» кадр заново. Но в Стрельниковой было что-то такое, что не поз-

воляло Свете настоять на своем. Напряжение туго натянутой струны, способной оборваться от случайного прикосновения. И до крови ранить того, кто окажется рядом.

Она не сразу услышала, о чем спрашивает ее актриса.

– Мне кажется, вы со мной не совсем согласны?

Света подняла глаза.

Узкое высокомерное лицо в обрамлении графической стрижки: мраморная кожа, темные волосы, алая помада на тонких губах. Белая рубашка с высоким воротом, широкие черные брюки.

До предела контрастно и лаконично. Анна Васильевна оказалась женщиной без возраста. Ссутулится – будет шестьдесят, сменит брюки и рубашку на джинсы с футболкой – будет тридцать.

Возраст выдавали только голос и манера речи: четкая, резкая. Неприятная. Как свист хлыста, вспарывающего воздух.

Света вспомнила все, о чем ее предупреждали: о характере Стрельниковой, о ее раздражительности, о том, что с ней лучше не вступать в спор.

И о коте, спящем в сумке. Впрочем, о нем она не забывала ни на секунду, со страхом прислушиваясь, не доносятся ли из прихожей подозрительные звуки.

Надо было согласиться с актрисой, безжалостно пригвоздившей любительниц вышивки. И спокойно продолжать работать.

Но что-то помешало сказать: «Вы совершенно правы, Ан-

на Васильевна». Быть может, воспоминание о матери, вышивающей по вечерам. Воспоминание оказалось смутным, размытым – Света тогда была еще маленькой.

– Так вы не согласны? – повторила Стрельникова.

Света покачала головой.

Тонкие накрашенные губы недоуменно изогнулись.

– Сформулируйте! – приказала Анна Васильевна.

– Рукоделие – это вечное женское занятие, – тихо сказала Света. – Успокоение ума и души. Хранительница очага – та, кто сидит у огня и прядет. А в наше время – вышивает. И, видите ли, не все хотят осваивать этот богатый мир. Многие предпочитают начинать с себя. А для этого лучшего занятия, чем вышивка, не найдешь.

Света замолчала, покраснела и закрылась спасительной камерой.

– Вы что, тоже этим балуетесь? – удивилась Стрельникова.

– Нет, к сожалению. Мне не хватает усидчивости.

Она рискнула высунуться из-за камеры. Актриса рассматривала свой маникюр и, кажется, уже забыла об их разговоре.

– Сядьте, пожалуйста, к окну, – попросила Светлана.

– Зачем?

– Хочу сделать контрастный снимок. Только силуэт.

Стрельникова подумала и признала:

– Да, может выйти неплохо. У меня подходящая посадка

ГОЛОВЫ.

Света облегченно выдохнула. Похоже, ей пока удалось не рассердить капризную актрису.

– А вот вам бы это совсем не подошло, – неожиданно сказала Анна Васильевна.

– Почему? – не удержалась Света.

Конечно, спрашивать не стоило. Задавать вопросы можно только тогда, когда готова услышать любой ответ. А Света догадывалась, что актрисе ничего не стоит мимоходом уколоть ее так, что останется синяк.

Стрельникова сделала вид, что задумалась.

– Главное в моей внешности – царственность, благородство черт. Я буду органично смотреться в любом ракурсе, на любом фоне. А вы... Вы вся такая ромашка на длинной ножке, и эти ваши светлые вихры вокруг головы... Кстати, вам нужно сменить парикмахера.

– Непременно, – пробормотала Света, ловя свет.

– Я бы фотографировала вас в поле, среди васильков, сурепки... Что там еще у нас растет неприятное?..

– Крапива, – подсказала Света. – Лопухи.

– Нет, в крапиву бы я вас загонять не стала, – отказалась актриса. Света мысленно поблагодарила ее за добросердечие. – Ах, конечно! Полынь! Она прекрасно подчеркнула бы цвет ваших глаз.

Анна Васильевна удовлетворенно повторила:

– Полынь!

И поднялась.

– Надеюсь, мы закончили? Я устала.

– Мне нужно отснять предметы, – извиняющимся тоном сказала Света.

– Какие?

– Ну... книги, цветы... Может быть, текст роли, раскиданный на столе.

– Ах, атрибуты профессии, – кивнула Стрельникова. – Ради бога. Я выйду, а вы здесь работайте.

Возле двери она обернулась:

– Учтите, вы можете находиться только в этой комнате. Никуда больше не заходите. И, пожалуйста, осторожнее со статуэтками: они мне очень дороги. Это старинный английский фарфор.

– Конечно!

– Только эта комната! – настойчиво повторила актриса.

– Я понимаю...

– Некоторые ваши коллеги безобразно любопытны.

«Господи, какое любопытство?! Сбежать бы отсюда побыстрее...»

Света быстро сфотографировала корзинку с вышивкой, полку с фарфоровыми фигурками. Ее жгла мысль о спящем котенке.

«Проверю, как он там. А потом спокойно все закончу».

Света на цыпочках вышла в прихожую. Сумка стояла на том же месте, где она ее оставила.

Она присела на корточки и прислушалась. Ни звука. Похоже, Тихон крепко спит.

На всякий случай она осторожно заглянула внутрь.

Кота в сумке не было.

Похолодевшими руками Света обшарила ее, как будто не верила глазам. Затем опустилась на корточки и поползла, заглядывая под стулья и шкафы.

Никого.

Света поднялась и огляделась.

От прихожей ответвлялись два коридора. Один вел в гостиную, где они работали со Стрельниковой. Второй терялся в глубине квартиры.

– Тиша! – умоляющим шепотом выкрикнула Света в этот коридор. – Тиша-Тиша-Тиша!

Если котенок и прятался там, он держал обещание и не издавал ни звука.

Света закрыла глаза и попыталась сосредоточиться. Издалека доносился голос Стрельниковой, говорящей по телефону. Можно прервать актрису и объяснить, что у ее фотографа сбежал питомец.

И что сказать? «Простите, я случайно привезла к вам котенка. Вообще-то он очень послушный... (на заднем плане звук разбивающегося английского фарфора).

Света вздрогнула и провела ладонью по лбу. Нужно немедленно найти это животное! Успеть, пока хозяйка занята разговором.

На цыпочках она прокралась к ближайшей двери. Задержала дыхание и осторожно повернула медную ручку.

Дверь приоткрылась с таким страшным скрипом, словно ей было по меньшей мере двести лет. Света похолодела. В комнате что-то прошелестело.

От ужаса она смогла выдать только:

– Простите, к вам не забегал мой котенок?

Внутри молчали.

Света заглянула в щель и облегченно выдохнула. Она пыталась разговаривать с вещами.

Комната оказалась гардеробной – пустой, если не считать десятков вешалок с одеждой. От сквозняка прозрачные чехлы на них шелестели. Платья как будто пытались снять с себя эти немодные накидки.

Свете стало не по себе. Она зачем-то выдавила «извините» и плотно закрыла дверь. Ей показалось, что внутри разочарованно вздохнули.

Еще пять шагов по коридору – и новая дверь. На этот раз – приоткрытая.

– Простите, пожалуйста, – осмелев, сказала Света, – к вам не заходил мой кот?

Ей не ответили. Может быть, Стрельникова в квартире одна, и зря Света извиняется перед пустыми комнатами?

На всякий случай она тихонько постучала. И только тогда приоткрыла дверь шире.

Света Морозова была человеком деталей. Поэтому сначала

ла взгляд ее выхватил полосатые гольфы на ногах лежащего мужчины.

Затем она увидела котенка Тихона, сидевшего на кровати возле ног в гольфах.

Следом – одноглазого пса, поднявшего голову при ее появлении. Это была типичная дворняга с короткой грязно-белой шерстью. Довольно старая, судя по равнодушию, с которым она отнеслась к вторжению чужого кота и незнакомой женщины.

И только потом Света заметила ручку ножа, торчащего из спины человека, лежавшего на кровати. Длинную ручку, обмотанную синей изоляцией.

Девушка вцепилась в дверной косяк. И тотчас отдернула руку, внезапно подумав, что на дереве останутся отпечатки пальцев.

«При чем здесь мои отпечатки?!»

На несколько секунд она впала в ступор. Но тут котенок зашевелился, и она заставила себя отвести взгляд от ножа.

Тихон выглядел смущенным. Но скорее от ее появления, чем от соседства с трупом.

«С трупом!»

Мысли наконец-то ожили.

Нужно подойти к телу, проверить пульс – вдруг этот человек жив! Нет, сначала позвонить в полицию. Вон и телефонная трубка лежит на тумбочке возле кровати. Главное – не уничтожить улики. Не размазать случайно кровь на сви-

тере погибшего, не задеть нож... Нет, все-таки сперва проверить пульс!

И тут Света осознала, что она не станет ничего проверять и никуда звонить. Человек, лежащий на кровати, не был живым – в этом она могла бы поклясться, не подходя к нему.

– Тиша, – выдохнула она. – Тиша, иди сюда!

Котенок мягко спрыгнул на ковер. Света подхватила зверька и прижала к себе.

Собака у окна опустила голову на лапы. По всем правилам она должна была бы выть в полный голос. Но пес молчал и только поглядывал на них единственным слезящимся глазом.

Что же делать?

Света обвела взглядом комнату. Ничего зловещего в ней не наблюдалось: голубые шторы, шкаф, кровать... А на кровати – труп.

Все мысли Светы завертелись вокруг хозяйки дома. В квартире наступила тишина, а это означало, что Стрельникова может появиться в любой миг.

Крепко сжимая Тихона, Света отступила назад и закрыла дверь. В прихожей никого... Значит, еще не поздно схватить сумку и бежать прочь из этой квартиры, оставив хозяйку саму разбираться с бездыханным телом в своем доме.

«Если только это не ее рук дело».

А если ее? Тогда так: выйти, позвонить в полицию и сообщить о том, что она случайно обнаружила жертву преступ-

ления.

Здравый смысл подсказывал, что это самое разумное решение.

Но тут в спор вступило Светино воспитание. «Разве можно уйти просто так? – осуждающе спросило оно. – А если Стрельникова ни при чем?»

Здравый смысл призвал забыть о Стрельниковой и думать о себе.

Воспитание заметило, что порядочные люди тем и отличаются, что в любой ситуации думают не только о своей драгоценной шкуре, но и о других. А если убийца все еще в доме? И Света оставит Анну Васильевну наедине с ним?

Здравый смысл примолк. А затем с удвоенной убежденностью посоветовал исчезнуть из этой квартиры, пока есть такая возможность. Именно потому, что убийца еще может быть в доме.

Вцепившись в Тихона, Света неслышно добежала до двери. Камеру на плечо, кота в сумку. Тихон порывался оставить голову на свободе, но Света бесцеремонно надавила на пушистый затылок, и кот, недовольно мякнув, провалился внутрь.

С замками она разобралась быстро. Выскочила на лестничную клетку...

И остановилась.

Здравый смысл напомнил, что нужно бежать. Но она развернулась, снова зашла в квартиру Стрельниковой и поста-

вила тяжеленную сумку на пол.

– Анна Васильевна!

Чуть громче:

– Анна Васильевна!

Послышались шаги, и в прихожую вышла недовольная хозяйка.

– Вы уже закончили и уходите? Но зачем же так кричать, моя дорогая...

– Анна Васильевна, у вас в квартире убили человека, – перебила Света, понизив голос.

– Что?!

– Я видела его тело в спальне. Он лежит на кровати. Анна Васильевна, нам нужно...

Стрельникова прищурилась, и вдруг усмешка пробежала по ее губам. Света оборвала фразу на полуслове.

– Я ведь просила вас не заходить в другие комнаты, – ласково проворковала актриса.

«Все, – сказал здравый смысл. – Доигрались».

Воспитание пораженно молчало. Реакция Стрельниковой могла означать только одно: она не услышала ничего неожиданного.

«Сейчас меня будут убивать», – отстраненно подумала Света, отступая на шаг.

Под ногу ей некстати подвернулась сумка. Тихон изнутри возмущенно мяукнул.

Усмешка сползла с лица актрисы.

– Что это за звук?

Света заслонила сумку.

– Какой звук? – не очень убедительно удивилась она.

Тихон высказался отчетливей.

– Да вот этот же! – Стрельникова растерянно огляделась. –

В квартире кошка!

– В квартире труп! – отрезала Света, не собиравшаяся выдавать безмозглого котенка.

Но переключить разговор не удалось. Тихон изнутри боднул сумку, и молния разошлась. На свет показалась ушастая голова с мелкими белыми усиками.

– Это что еще такое?! – изумилась Стрельникова. – Я говорила, что где-то рядом кошка!

Света любила точность во всем.

– Это не кошка, – поправила она. – Это кот.

– Еще хуже! У меня аллергия, вы знаете? Зачем вы притащили ко мне этого оборвыша?

«Оборвыша?!»

Тихон выпрыгнул из сумки. Вскинул хвост, изогнул его крючком и прошелся перед Анной Васильевной.

«Обратите внимание на его профиль в лунном свете», – чуть не предложила Света. Но удержалась. Момент для цитирования Булгакова был не самый подходящий.

В такую идиотскую ситуацию ей никогда еще не доводилось попадать, несмотря на выдающиеся способности по части сотворения идиотских ситуаций. Анна Васильевна

брезгливо разглядывала Тихона. Сейчас насмотрится – и кинется на Свету.

– На редкость безобразный кот, – тем временем констатировала Стрельникова. – Тощий, некрасивый... Господи, кто бы знал, как я ненавижу этих тварей! Даже не думайте, что вы можете оставить его у меня. Заберете с собой как миленькая!

– Куда заберу? – рискнула уточнить Света. Разговор принимал странное направление.

«Сейчас она скажет: «В ад!», захохочет и ткнет в меня носом».

– Что значит «куда»? Куда хотите. Вы же где-то живете, правда? Я не знаю – квартира там, или общежитие... Давно вы его подобрали?

– Два месяца назад, – честно сказала Света.

Стрельникова недоверчиво уставилась на нее.

– Два месяца?! Так это ваш кот?

– Мой.

– И вы что же, все время носите его с собой?

– Да нет же! – Света наклонилась и подхватила котенка. –

Он тайком забрался в мою сумку. Я обнаружила его слишком поздно, когда уже не было возможности вернуться.

Она подумала и виновато добавила:

– Извините нас, пожалуйста. Мы не нарочно.

Извиняться перед убийцей было как-то странно. Но и на этот раз воспитание победило здравый смысл.

Стрельникова приложила ко лбу пальцы, будто задумавшись о способе убийства.

«Сейчас кинется», – решила Света.

– Сейчас чихну, – трагически сообщила Анна Васильевна. – Вот, уже начинается! Боже мой, а ведь вы показались мне приличным человеком!

Света обрадовалась.

– И такое разочарование!

Стрельникова чихнула внезапным басом. Котенок бросился вверх по Светлане и укрылся в районе ее затылка.

Завязалась борьба. Света пыталась выдрать перепуганного Тихона из волос, Тихон молча упирался.

– Да прекратите же вы! – Анна Васильевна повысила голос.

Света тут же отпустила кота и встала по стойке «смирно». Менее внушаемый кот остался на своем месте.

Актриса выглядела рассерженной всерьез.

– Пришли, контрабандой притащили кошку, устроили какую-то комедию! Что вы там лепетали про труп?

– У вас убитый мужчина в комнате! А вы никак не хотите меня слушать...

Стрельникова закатила глаза.

– О, господи! Нет, это готовый анекдот. Ждите здесь, я вас позову.

Хозяйка исчезла в коридоре. Воспользовавшись ее уходом, Света оторвала от себя Тихона и встряхнула за шкуру.

– Ты что, с ума сошел?! – прошипела она. – Веди себя прилично, пока я сама тебя не убила!

Она подумала, не сбежать ли сейчас, раз судьба предоставила ей второй шанс. Но приходилось признать, что актриса не похожа на убийцу. А между тем, она знала о покойнике с ножом в спине...

Из глубины квартиры послышалась какая-то возня. Света замерла. Несколько секунд царила полная тишина, затем хлопнула дверь, и почти сразу раздалось:

– Идите сюда!

Света сделала несколько шагов и остановилась. В дверях комнаты, где она нашла Тихона, стояла Анна Васильевна.

– Ну же! – нетерпеливо позвала актриса. – Что вы там застыли? Вот ваш убитый, идите, поздоровайтесь!

Предложение поздороваться с покойником не прибавило Свете уверенности. Но не подчиниться было нельзя.

Заглядывая в комнату, она надеялась обнаружить живого человека. Хорошо бы все это оказалось шуткой, рассчитанной на то, чтобы пугать визитеров, нарушающих запреты.

Но тело лежало в том же положении, в каком она его оставила. В спальне ничего не изменилось, исчезла только собака.

Под насмешливым взглядом хозяйки Света обогнула кровать. Человек лежал в той же позе. Серый свитер задран, вокруг горла обмотан полосатый шарф. Она приготовилась увидеть черты, искаженные гримасой смерти. Но на нее уста-

вилось гладкое пластиковое лицо с нелепой полуулыбкой на губах.

Пораженная, Света обернулась к Стрельниковой.

– Познакомьтесь, – светски предложила та. – Генри, это Светлана. Светлана, это Генри.

Девушка была так растеряна, что Анна Васильевна сжалась. И не выгнала ее, а провела в столовую и налила чая. Тихона актриса потребовала оставить в сумке, где он тут же и заснул.

– Манекен... – повторила Света, отпивая безвкусный зеленый чай.

– Разумеется, манекен, моя дорогая. А вы решили, что это я прикончила кого-то? Признавайтесь!

Света покраснела.

– Я не знала, что думать.

– А что, у меня набралась бы дюжина знакомых, которых я желала бы увидеть заколотыми. – Анна Васильевна потеряла руки. – И парочка таких, которых при случае заколола бы сама.

Свете подумалось, что это не притворство. С актрисы стало бы расправиться с врагами таким кровожадным способом.

Стрельникова отпила из бокала минеральную воду.

– Мы репетируем пьесу Рыбакова «Человек из дома напротив».

– Олега Рыбакова?

– Да. Вы его знаете?

– Он известный писатель, – уклончиво сказала Света.

Не рассказывать же этой высокомерной женщине, что она снимала Рыбакова всего десять дней назад. Да ей это и безразлично.

Стрельникова поморщилась.

– Если бы только писатель... Но это неважно. Он написал для театра детектив. Всего шесть действующих лиц, из них один – наш милый Генри, который всю пьесу лежит бездыханным. Не брать же на эту роль актера! Вот мы и используем манекен. Вы обратили внимание на его руки? Обязательно взгляните на них, это работа настоящего художника!

Света подумала, что хватит с нее встреч с Генри.

– А почему он у вас? – осторожно поинтересовалась она.

– Милая моя, потому что мы сегодня репетируем. В театре всю неделю черт знает что: ремонтируют зрительный зал перед премьерой. Нашли время... А наши диалоги с партнером задуманы так, что мы все время обращаемся к покойнику. Он молчит, но при этом он третий в наших разговорах. Его молчание громче наших слов. В конце концов оно становится для нас невыносимым, и мы начинаем признаваться в преступлениях, которые совершили.

Актриса с сомнением посмотрела на Свету и уточнила:

– Вы понимаете, о чем я?

– По замыслу писателя, жертва заменяет следователя?

Стрельникова одобрительно кивнула.

– У меня роль любовницы Генри, а Серафимович играет моего супруга. Его вы, надеюсь, знаете?

Света не любила врать. Но это «надеюсь» прозвучало так, что ей оставалось лишь воскликнуть с искренним энтузиазмом:

– Кто же не знает Серафимовича!

– У нас с ним четыре сцены. Он должен скоро прийти, у вас будет прекрасный шанс увидеть нашу репетицию. Редкий шанс! Вы, милая, еще будете писать в мемуарах об этом.

Взгляд ее затуманился. Похоже, Анна Васильевна заглянула в будущее и читала восторженные строки, которые посвятит ей Света.

Из прострации Стрельникову вывел переливчатый звонок.

– А, вот и Петр Иванович!

Хозяйка остановила Свету, порывавшуюся встать.

– Нет-нет, милая, сидите. Вы должны подтвердить историю с трупом! Петя ни за что не поверит мне, если я не предъявлю вас в качестве доказательства.

«Чудно, чудно, – печально подумала Света, оставшись одна. – Мало того, что поставила себя в идиотское положение. Так еще и придется свидетельствовать против себя перед неким Серафимовичем».

Из прихожей до нее донесся низкий, глубокий, красивый голос. Он вызывал в воображении виноградники Франции,

дубовые бочки, заполненные выдержанным вином, рубиновые отблески на стенках бокала. Голос настоящего красавца.

Света окончательно стусевалась. Вот-вот сюда пойдет высокий мужчина с римским носом, густой шевелюрой и румянцем на гладко выбритых щеках. Стрельникова, смеясь, станет рассказывать ему о Светиной глупости. Может быть, даже в лицах. Наверняка в лицах! А сама Света будет сидеть, неловко улыбаться и жалко кивать.

Почему, почему она не может встать и уйти? И не участвовать в спектакле Анны Васильевны?

«Потому что мямля! – сказал в голове скрипучий голос отчима. – Все с «извините-простите-пожалуйста». Тьфу! Учю я тебя, учю... А ты и спасибо не скажешь за науку, когда будешь мне стакан воды подавать».

Свете вспомнилось любимое обещание отчима. «Я из тебя сделаю кобылу артиллерийскую!» – гремел он, потрясая жестяной кружкой. (Вадим Петрович терпеть не мог фарфор. Их чудесные тонкие чашки с золотой каймой он презрительно называл дамскими, а сам пользовался страшной стертой кружкой, будто обгрызенной по краям).

В свои четырнадцать лет становиться артиллерийской кобылой Света не желала. Она вообще полагала, что кобыла любого формата – это не тот идеал, к которому должна стремиться девочка ее возраста. Но благоразумно не озвучивала свои мысли дяде Вадиму.

Чем больше Вадим Петрович кричал на нее, тем молча-

ливее становилась Света. Она от природы обладала тихим голосом. Из чувства протеста почти шептала, разговаривая с отчимом.

А из страха стать похожей на него никогда ни на кого не кричала.

Света тряхнула головой, обрывая нить воспоминаний. До нее донесся звонкий смех Анны Васильевны: «Не поверишь... Ха-ха!.. Еще здесь...»

Она сжала ручку чашки.

И тут в столовую не вошел, а вкатился маленький толстяк с улыбчивым и одновременно грустным лицом. На его макушке мягко сияла лысина, а вокруг нее торчали прямые редкие волосики, точно строй солдат, охраняющих последние рубежи.

Света сразу увидела, что это заколдованный снеговик, случайно превратившийся в мужчину. Из нижнего снежного шара получились ноги колесом, из среднего – животик, а из верхнего – маленькая круглая голова. Морковка, видимо, потерялась в процессе трансформации, поэтому нос бывшему снеговику достался маленький, как пуговка.

А глаза остались из угольков: большие, черные. И печальные, как у собаки, потерявшей хозяина.

– Здравствуйте, – сказала очень удивленная Света.

– Здравствуйте, – глубоким голосом поздоровался снеговик. – Меня зовут Петр Иванович.

– Серафимович, опять церемонии! – перебила вошедшая Анна Васильевна. – Светлана знает, кто ты такой!

Снеговик улыбнулся смущенно, будто извиняясь.

– Жуткая кукла этот Генри, – сказал он. – Я сам ее побаиваюсь. Будь я на вашем месте, сбежал бы без оглядки. А вы остались.

– Это не от избытка храбрости, – призналась Света. – Просто неловко было...

– Уходить, не попрощавшись? – фыркнула Стрельникова.

Петр Иванович строго взглянул на нее:

– Уходить, не предупредив тебя, Анна. Иногда ты бываешь невозможно черствой.

– Иногда? – с нарочитой обидой переспросила Стрельникова. – Какое оскорбление, Серафимович! Я бываю черствой всегда!

Снова зазвенел звонок.

– Это Виктор! – обрадовалась Анна Васильевна и упорхнула.

– Ее брат, – вполголоса пояснил актер. – По совместительству наш режиссер и продюсер. Вы и в самом деле решили, что в спальне труп?

Света кивнула.

– Могу себе представить, как вам досталось от Анны.

– Не так сильно, как я боялась, – улыбнулась Света. – Мне даже разрешили не избавляться от кота.

Серафимович наклонился к ней ближе.

– Я знаю, Анна иногда кажется несколько... м-м-м...

Она замялся, и Света пришла на помощь:

– Резкой?

– Да, пожалуй. Но это маска. Если хотите, защитный костюм. В действительности она тепло относится к животным. Вашему коту ничего не грозило.

– Я видела в спальне собаку, – вспомнила Света.

Серафимович обрадовался:

– Да-да, это то самое, о чем я вам говорю. Анна вечно твердит, как она ненавидит животных. Уверяет, что была бы рада избавиться от них весь мир. Звучит чудовищно, я знаю. А сама приютила это бедное больное существо по первой моей просьбе.

– Так это не ее пес?

– Нет, что вы! Его подобрала где-то моя дочь и привезла к себе. К сожалению, у нее, бедняжки, аллергия на собак. Три дня она терпела и молчала, а на четвертый я случайно увидел ее. Конечно, мне пришлось сразу забрать собаку! Дочь уже покрылась жуткими пятнами. Стала как мухомор, только наоборот: красное на белом.

– Но можно же было попробовать его пристроить, – осторожно сказала Света.

Петр Иванович махнул рукой:

– Кто возьмет пожилого одноглазого пса! Даже если бы кто-то и согласился, для него жизнь среди других животных и равнодушных людей будет мучительна. Всем старикам ну-

жен дом, где о них будут заботиться. В том числе и собачьим старикам. У меня у самого дома пекинес, я знаю, о чем говорю. Именно из-за него я не смог оставить этого беднягу у себя, а привез Анне. И она безропотно взяла его. Гуляет с ним, вы представляете?

Света попыталась представить элегантную Анну Васильевну в компании облезлой одноглазой дворняги. Картинка не складывалась.

В кармане Серафимовича прозвонил телефон.

– Да, милая, – ласково сказал он и глазами извинился перед Светой за прерванный разговор. – Да, у Анны. Еще нет, вот-вот начнем.

Он прикрыл трубку рукой и спросил с улыбкой:

– Вы позволите рассказать дочери о вашем маленьком приключении с Генри? Нет, если вам неприятно...

Света замахала руками: рассказывайте, ради бога! Она больше не чувствовала ни смущения, ни стыда.

Петр Иванович встал и вышел из комнаты, на ходу говоря:

– У нас случился небольшой казус...

Окончание разговора Света уже не услышала.

Вернулся он через пять минут, погрузневший.

– Дочь говорит, никто не желает стать хозяином нашему одноглазому старичку. Мы изо всех сил ищем ему новый дом, но пока получается не очень удачно. Кстати, может быть, вы подумаете о том, чтобы обзавестись животным? У него хороший характер, честное слово!

Он с надеждой посмотрел на Свету.

Ей было жаль отказывать этому милому человеку. Пришлось напомнить скорее себе, чем ему:

– У меня живет кот. Котенок!

– Ах, да, – поник Серафимович. – Я совсем забыл. Жаль, из вас получилась бы отличная хозяйка для Циклопа.

– Циклопа?

– До чего же примитивная кличка, не правда ли? – громко спросили от двери. – Прямолинейная, как рельс. Раз одноглазый, значит, Циклоп. Никакой фантазии!

В столовую вошел как раз такой красавец, каким Света по голосу представляла Серафимовича: высокий, чисто выбритый, с римским носом. На нем был светло-серый костюм, пиджак лихо свисал с одного плеча, как гусарский ментик.

Его портила только изломанная линия рта. И две брюзгливые складки, залегшие возле уголков опущенных губ.

Красавец шевельнул плечом. Подхватил сползший пиджак и широким жестом, не глядя, швырнул его в угол, как ненужную тряпку. «Промахнется!» – понадеялась было Света. Но пиджак попал точно на стул.

– Здравствуй, Виктор, – сдержанно сказал Петр Иванович.

– Приветствую. А я, между прочим, предлагал назвать его куда более подходящим именем.

Красавец подмигнул Свете. Та неловко улыбнулась в ответ.

Вот, значит, как выглядит брат Анны Васильевны. Стран-

ное противоречие: лицо аристократа – и купеческие манеры. И голос самодовольный, раскатистый.

Отвечать ему не хотелось. Хотелось скорее уйти домой и забыть все, что здесь произошло.

Но промолчать было невежливо.

– Каким именем? – спросила Света.

– Унтиком. Отличная кличка.

– Почему? – не поняла она.

Красавец ухмыльнулся углом рта. А Петр Иванович отчего-то нахмурился.

– Вы знаете, что такое унты? – поинтересовался Виктор.

– Сапоги.

– Правильно. Сапоги из меха. А знаете ли вы, что в некоторых местах нашей необъятной родины унты шьют из собачьих шкур?

– Теперь знаю.

– Значит, понимаете, почему именно такая кличка?

Он довольно засмеялся.

А Света смотрела на него и думала, что людей, которые восторгаются собственным чувством юмора, нужно помечать каким-нибудь особым знаком. Например, смайлом. Поставил ухмыляющуюся рожицу на лоб – и все сразу видят: перед ними шутник. Остряк! Который, например, называет собаку Унтиком и сам ржет над своей тонкой иронией.

Тогда тихие, мирные люди вроде нее, которых корежит от подобного юмора, могли бы заранее принять меры, чтобы

обойти таких весельчаков стороной.

– Нет, – сказала Света.

Смех оборвался.

– Что – нет?

– Не понимаю.

– Послушайте, что здесь непонятного? – с раздражением спросил брат Анны Васильевны. – Унты – это сапоги. Их можно сшить из собачьего меха. Пса я хотел назвать Унтиком. Унты – Унтик! Теперь понятно?

Света немного подумала. Сначала сдвинула брови, потом наморщила лоб так, чтобы не возникало сомнений в напряженности ее мыслительного процесса. И, наконец, просветлела:

– Так у вас не хватает обуви! Вы ждете, когда этот пес содохнет, чтобы сшить из его шкуры сапоги?

Петр Иванович и Виктор вместе уставились на ботинки красавца – узконосые туфли из крокодиловой кожи.

– У нас возле дома живут бродячие собаки, – прибавила Света таким тоном, словно доверяла значительную тайну. – Я могу показать, где. Правда, мелкие, но зато лохматые! Хватит даже на две пары!

– Вы в своем уме? – брезгливо поинтересовался Виктор. – Я не убиваю собак. Ни лохматых, ни прочих.

– Но вы же сами сказали... – удивилась Светлана.

– Что?! Что я сказал?! Я придумал смешную кличку! Смешную, понимаете?

Девушка похлопала ресницами и наивно спросила:

– А над ней кто-нибудь смеялся, кроме вас?

Серафимович хмыкнул. Виктор посмотрел на Петра Ивановича и осведомился:

– Где вы раскопали этот чистейшей прелести чистейший образец?

– Образец пришел сам, – сказала Света другим тоном, вставая. – И уже уходит. Но если надумаете насчет собак – обращайтесь.

До дома она добралась лишь три часа спустя.

К полудню город стал похож на гигантскую сковородку. От прохожих, попавших на открытое место, поднимался пар. Собаки, подпрыгивая, мчались прочь с обжигающего асфальта. Кошки, как существа умные, вообще не показывались на улицах.

Солнце кусало Свету, точно злая оса, пока она плелась до подъезда. На себе Света волочила камеру и Тихона, и ей казалось, что кто-то из них поправился за утро на несколько килограммов. Чем еще объяснить, что сумка стала совершенно неподъемной?

Возле подъезда Свету на миг охватило странное чувство. Ей показалось, что на нее кто-то пристально смотрит.

Но когда она обернулась, во дворе никого не было.

Выгрузив Тихона, Света залезла в холодильник и обнаружила, что он пуст, как только может быть пуст холодильник.

ник одинокой женщины, время от времени вспоминающей про диеты. А после утренних переживаний хотелось ледяного кваса. Еще лучше – холодного пива! Светлого пенящегося пива, золотистого, вкусного, как... как...

«Как пиво!» – нашла Света правильное сравнение.

Определенно, нужно спуститься в магазин. Дома нечем вознаградить себя за перенесенные страдания.

За те десять минут, что она провела дома, заасфальтированный двор превратился в филиал ада. Стараясь держаться в тени, Света добежала до угла. Дальше предстояло пересечь пятьдесят метров открытого пространства.

Оттягивая этот неприятный момент, она достала телефон.

– Лешка, привет! У меня все в порядке, я вернулась.

– Рассказывай, – потребовал Дрозд.

– Не могу. Бегу за пивом.

– Хорошее дело, – одобрил Лешка. – У тебя точно все нормально? Голос мне твой не нравится.

Пришлось сознаться:

– Кое-что все-таки случилось. Я попала в очень глупую ситуацию.

– Как обычно.

– Нет, хуже, чем обычно. Но ты не беспокойся. Расскажу – посмеемся.

Света встала, пропуская приближающуюся машину.

– Помехи какие-то, – сказал Дрозд сквозь треск.

– Это от жары. Все, я побежала! Считай, уже салютую тебе

пивом.

Машина, поравнявшись с ней, вдруг резко вильнула.

«Камеру разобьет!» – промелькнуло в голове у Светы, забывшей, что никакой камеры с ней нет. Она проворно отскочила назад. Черный автомобиль пронесся так близко, что ее чуть не ударило боковым зеркалом.

Но на ногах Света не устояла. Правая ступня попала в выбоину, и, взмахнув руками, девушка грохнулась на асфальт.

Она толком и не успела ничего понять. Только что стояла у дороги с телефоном в руке. А сейчас почему-то лежит на спине, а над ней нависает солнце, будто рассматривает перевернутого жучка.

Голова вдруг сильно заболела. Света читала, что от боли у людей темнеет в глазах. А у нее солнце начало светлеть, пока не стало совершенно белым, и от этой яростной белизны Света потеряла сознание.

Глава четвертая, *в которой Кот приносит пользу*

– Вот она, яма, – сказал Дрозд и зачем-то присел на корточки. – Ее-то он и объезжал. Сволочь.

– Или она. – Света поморщилась и потрогала затылок.

– Вы точно водителя не видели?

Света промолчала. Молоденький дознаватель уже четвертый раз задавал ей этот вопрос. Словно надеялся, что от его заунывных повторов она разозлится и вспомнит хоть что-нибудь.

– Ну, так не видели, нет? Может, женщина? Или мужчина? Или...

– Или одно из двух, – Дрозд поднялся и оказался на две головы выше дознавателя. Его длинная тень протянулась на асфальте как раз от ямы до того места, где Света упала.

Она отошла в сторону и села на бордюр в тени фонарного столба. К вечеру солнце немного успокоилось и даже вернуло себе первоначальный желтый цвет. Но стоять на открытом месте было неприятно.

В конце концов, ничего страшного не случилось. Нельзя даже сказать, что она отделалась легким испугом, потому что испугаться Света не успела. Совсем. Ни легко, ни тяжело.

Если, конечно, не считать той секунды, когда пришла в

себя. Открыв глаза, она увидела над собой собачью морду. Морда улыбалась и истекала двумя ручьями слюны.

Взвизгнув, Света перекатилась в сторону с ловкостью и быстротой, которым позавидовал бы Рэмбо. Но Рэмбо и не был женщиной, на которую собирается уронить слюни престарелый французский бульдог. Он всего лишь сражался с двумя сотнями боевиков.

Бульдог был Светиным соседом по подъезду. Его встревоженная хозяйка вызвала «скорую» и полицию. Но к тому моменту сама Света уже отлично понимала, что это бесполезно. Она мельком видела лишь цвет машины: то ли серый, то ли очень запылившийся черный. Водитель превысил скорость и дернул руль вправо, объезжая огромную выбоину на дороге. Местные знали о ней и всегда притормаживали заранее. Значит, чужак.

– И шансы найти этого нехорошего человека близки к нулю, – вслух закончила Света свою мысль. – Леш, пойдем. У меня завтра опять с утра съемка, надо отдохнуть.

По квартире разозленный Дрозд передвигался какими-то рывками. Задел стул, ударился локтем о подоконник и, в конце концов, чуть не наступил на Тихона. Тут Светиному терпению пришел конец.

– Возьми этого прохиндея и сядь в угол. А я нам кофе сварю. Мне еще работать всю ночь с сегодняшними снимками. Дрозд покраснел.

– Извини. Не могу успокоиться. Ну, чуть не сбил ты пешехода. Так ведь еще и уехал! Может, этот пешеход остался умирать на обочине от сердечного приступа. И его можно было спасти, если только вовремя вызвать врачей. Тьфу! Урод шестого разряда.

Он потер лоб.

– Давай я сам кофе сварю. А то чудно получается: пострадала ты, и кофе мне варишь тоже ты.

– Угу. А ты вместо меня переживаешь, – добила Света. – Мучаешься. Страдаешь.

Тут Дрозд совсем сник, и ей стало жалко его.

– Ты же варишь ужасный кофе, – утешающе сказала она. – Чудовищный. Никак не могу понять, почему из одних и тех же ингредиентов у меня выходит вкусный напиток, а у тебя – помой.

Дрозд ухмыльнулся и подхватил Тихона на руки. Кот тут же запрокинул шею, точно лебедь на последнем издыхании, и Лешка послушно стал чесать ему подбородок.

Нейтрализовав таким образом и друга, и кота, Света принялась неторопливо варить кофе.

Четыре ложки на медную турку. Залить горячей, но не кипящей водой. И ждать, пока появятся первые пузырьки, предвестники свободолобивой пены, что торопится сбежать на волю через край турки – только успевай ловить ее.

Запах кофейных зерен успокаивал, заученные действия убеждали, что жизнь идет, несмотря на мелкие пакости, что

все хорошо: и кофе варится, и кот мурлычет, и мужчина при деле. Что еще нужно для счастья?

Света вспомнила утренний разговор о вышивке. Вот оно – то, что она не смогла сформулировать тогда. Кто вышивает? Женщина, которой не о чем тревожиться. У нее и борщ томится на плите, и сама плита сверкает чистотой, и дети делают уроки. Все хорошо. Вышивающая женщина – это символ спокойной жизни.

«Значит, для Стрельниковой спокойная жизнь – хуже, чем нож в спину».

Ее размышления прервал вопрос Дрозда.

– Кто у тебя завтра? Очередной монстр?

Света убавила огонь и обернулась к нему:

– Певица из молодых. Ты, наверное, слышал – Лера Белая.

Дрозд нахмурился.

– Та, которая поет: «Твои щеки треплет ветер»?

– Тоже мне, музыкант! Про щеки поет группа «Пляшущие человечки». Они совсем отмороженные, их песни давно разобрали на цитаты. «У меня между ребрами бьются разные органы». Или вот: «Когда я вижу тебя, детка, звенит моя грудная клетка».

– Автор текстов когда-то пролетел мимо медицинского, – предположил Дрозд. – Судя по песням, оно и к лучшему. Раз у него органы бьются между ребрами.

Света быстро разлила кофе по чашкам.

– Держи. Только кота не облей.

Кот зыркнул одним глазом на чашку, а другим на Дрозда. Но решил, что опасности в таком сочетании нет.

Сама Света пристроилась у края стола, заплетя ноги вокруг ножек табуретки.

– Каждый раз, когда ты так садишься, я боюсь, что обратно уже не развяжешься, – осуждающе заметил Дрозд. – Так и останешься с ногами узлом.

Отмахнувшись от него, Света отпила обжигающий кофе и блаженно прикрыла глаза. Какое наслаждение – после безвкусного чая у Стрельниковой...

Только она собиралась рассказать про актрису, как Лешка хлопнул себя по коленке:

– Вспомнил!

Тихон вздрогнул и широко раскрыл глаза.

– Твоя Лера Белая победила год назад на музыкальном конкурсе «Своего радио», да? Голос слабенький, но харизма в наличии.

– Значит, все-таки попса?

– Да, пожалуй. Но, знаешь, такая качественная попса. Где-то даже на границе с роком. Самое главное, девчонка сама пишет тексты и музыку к ним. Поэтому ее и заметили. Поющих много, а таких, чтобы все в одном флаконе – единицы.

– А почему она Белая?

– Вот уж не знаю. Может, это настоящая фамилия, а не псевдоним. У этих исполнителей какая-то своя логика в выборе имени. Помнится, был у нас в тусовке парнишка, же-

лал выглядеть крутым рэпером. Назвал себя «Паша-Пролетарий». А у этого пролетария на очкастой физиономии написаны девять классов игры на скрипке и школа с математическим уклоном.

– А помнишь Вову Волкова? – подхватила Света. – Который требовал, чтобы его все звали Волком?

– Толстый и с оттопыренными ушами? Помню. Но тот хотя бы на сцену не рвался. «Вова-волк» – это ж логопедический кошмар для конференсье.

Дрозд одним глотком допил кофе и отставил чашку в сторону. Потом всмотрелся в Свету.

– Слушай, у тебя точно голова не болит?

– Точно. А что?

– Глаза у тебя сонные. И мутные.

Света зевнула.

– Кофе какой-то странный, – пожаловалась она. – От него клонит в сон.

– Это не кофе странный, а ты устала. – Лешка ссадил кота на пол и встал. – Давай-ка ты спать, ага?

– Не могу. Мне работу работать надо!

– Спокойно, без пены. Завтра будешь рвать пупок. А сегодня был тяжелый день. Актрисы тебя кусали, машины сбивали...

– Коты жизнь портили, – пробормотала Света, ощущая, что глаза слипаются.

– Вот именно. На, возьми.

Дрозд сунул ей Тихона. У Светы на руках кот не стал раскидываться, как принцесса на перинах, а свернулся улиткой и превратился в подушку.

Эта горячая, мягкая подушка подействовала на Свету волшебным образом. Она почти не помнила, как закрыла дверь за Дроздом, как доплелась до кровати. Помнила только, что под рукой у нее оказалась шапка-ушанка, из которой почему-то торчали кошачьи усы. И, прильнув щекой к этой теплой шапке, она окончательно провалилась в глубокий сон.

* * *

Собираясь на фотосессию к Лере Белой, Света ощутила себя параноиком. Который десять раз моет руки с мылом, а потом снова возвращается в ванную и протирает их спиртом.

Она трижды проверила сумку. Дважды заглянула в коробку с объективами. Снова расстегнула кофр и заглянула внутрь.

И все это под насмешливым взглядом кота, сидевшего на шкафу.

Допивая наспех сваренный кофе, Света вспомнила, что не успела рассказать Дрозду о «трупце» в квартире Стрельниковой. Происшествие с машиной затмило утренние события.

На затылке взбухла болезненная шишка. На бедре лиловела гематома, набирающая цвет подобно экзотическому бу-

тону.

Но при этом Света, к собственному изумлению, чувствовала себя неплохо.

«Это оттого, что я выпалась», – решила она в конце концов.

Кот на холодильнике отчетливо фыркнул.

«Это оттого, что я грел тебя всю ночь».

– Ты грел? – возмутилась Света. – Ты дрыгал своими лягушачьими ногами. Нарушал мой крепкий сон.

Кот отвернулся, словно пожимая плечами. «Как угодно, как угодно».

– Ладно, не обижайся. – Света почесала его за ухом. Тихон тотчас подставил другое ухо и боднул ее головой. – Э, нет, дружок, до вечера. Или ты думаешь, меня создали, чтобы чесать тебя за ушами?

Он широко зевнул, разинув пасть как удав.

Света включила кондиционер и обошла квартиру, запирая окна. Котенок любил охотиться за птицами. На подоконнике время от времени собирались пухлые голуби, присаживаясь тесным рядком, как старушки в очереди к участковому терапевту, и принимались взахлеб ворковать. Кажется, обсуждали, что все меняется к худшему: и мусор в помойках уже не тот, что прежде, и от детей в парке крошек не дождешься.

Тихон верил, что рано или поздно схватит одного из наглецов за сизый хвост. Чаще всего у него получалось лишь

расплющить нос о стекло, но он не оставлял попыток.

Так что Света для верности даже подергала оконные ручки, убедилась, что кот не сможет удовлетворить охотничьи инстинкты, и успокоилась.

– Пока, домашний деспот!

С утра она успела забрать свою машину из сервиса, и по дороге переключала радио, надеясь, что где-нибудь услышит Леру Белую. Девушка стала популярной всего за год. Значит, радиоканалы пока любят ее, как все «свежее».

Но из динамиков доносились то сладкие напевы группы «Ягода-малина», то хриплый рык певца Каната. Про Каната говорили, что он интеллигентнейшее существо и якобы даже защитил диссертацию на какую-то сложную филологическую тему. В ответ на эти инсинуации Канат грязно ругался, рвал тельняшку на богато татуированной груди и клялся папой-дворником и мамой-санитаркой, что он плоть от плоти народа, как и его песни.

Народ Каната любил. Его песню «Еду я по выбоинам» распевало все население страны от десяти до девяноста. Тем, кто не попадал в эту возрастную категорию, петь было сложно по причине заковыристого текста. Чуть повернул язык не так – и уже окружающие косятся.

Света вспомнила вчерашний разговор с Дроздом. Дело Паши-Пролетария жило.

Она выключила радио с надрывающимся Канатом. До до-

ма Леры Белой оставался всего один квартал.

Дверь открыла сама певица. Поднимаясь в лифте, Света успела представить ее: ломкая блондинка, розовые губы, спортивный костюм в стразах. Может быть, еще крохотный йорк под мышкой. Такие блондинки тайно занимаются выведением подвида йорков, которые будут помещаться в пудреницах.

Увидев Леру Белую, Света поняла, что промахнулась по всем пунктам. Перед ней стояла высокая красивая девушка с резкими чертами лица. Выющиеся волосы, темные до черноты глаза... И длинный джинсовый сарафан.

– Я вас с самого утра жду, – весело сказала певица Лера. – Волновалась, как перед прослушиванием, честное слово!

– Почему? – изумилась Света.

– Фотографироваться боюсь. Каждый раз смотрю на результат и думаю: господи, ну и рожа! Неужели это я? И ведь стараюсь, навожу красоту. Все равно выходит какая-то лошадь в юбке.

Она отступила назад.

– Проходите.

Из дальней комнаты появился хмурый небритый мужчина лет сорока.

– Сережа, это фотограф, Светлана. Света, это мой муж, Сергей.

При виде Светы Сергей, как мог, изобразил радость от

встречи. То есть растянул в улыбке губы и подержал их в таком непривычном положении. Света подумала, что даже вчерашний оскал французского бульдога выглядел куда приятнее.

Впрочем, она давно заметила, что собаки улыбаются дружелюбнее, чем люди.

Сергей приобнял жену:

– Золото, я к пацанам, ага?

– К пацанам, ага, – передразнила Лера. – Жду тебя вечером с ясной головой.

– Не обещаю.

Уклонился от шутливого подзатыльника и скрылся за дверью.

– Он хороший, только кажется таким... простоватым, – проникновенно сказала Лера. – Знаете, как он помог мне с карьерой? Не только финансово.

Вопреки опасениям Светы, работа сразу пошла легко. Певица не капризничала, не принимала безумные позы. Она слушалась фотографа и, кажется, очень старалась заслужить ее одобрение.

Свете стало приятно.

– С вами легко работать, Лера, – искренне сказала она.

– Похоже, у вас вчера был тяжелый день, – с неожиданной пронизательностью заметила девушка. – Поэтому вам и просто со мной. На контрасте. Кто вас так утомил?

Света поменяла объектив и раздвинула шторы, впуская в просторную комнату больше солнца.

– Актриса, которая не хотела сниматься, – призналась она. – Всегда сложно, когда люди не идут тебе навстречу. Чувствуешь себя так, словно просишь у них милостыню.

– Актриса? Уж не Стрельникова ли?

У Светы вытянулось лицо. Лера от души расхохоталась.

– Видели бы вы себя сейчас! Что, удивила?

– Очень. Как вы узнали, что это именно она?

– Даже обидно раскрывать фокус, – с сожалением сказала девушка. – Он настолько прост, что вы будете разочарованы.

– И все-таки?

– Элементарно! Вы знакомы с Виктором Стрельниковым?

– Да. Как раз вчера и познакомились.

– Значит, вам известно, что он продюсер новой постановки в «Хронографе»?

– «Человек из дома напротив»?

– Вот-вот. Виктор озабочен продвижением нашего спектакля в широкие массы. Проще говоря, рекламой. Ищет новые ходы, чтобы заинтересовать публику. А если не заинтересовать, то хотя бы навязнуть у нее в зубах, как ириска. И вот он придумал, что можно совместно с каким-нибудь известным журналом замутить пиар. Запустить проект – портреты всяких театральных деятелей. Взять фотографа, чтобы относительно известный, но без запросов вышиной с Эверест. Это ничего, что я так о вас говорю?

Света сказала, что ничего. А сама подумала, что у нее запросы вышиной с какую-нибудь гору Народную, что на Урале. Низенькую и незаметную. А по сравнению с Эверестом – так и вовсе кочку.

– Взять фотографа, – продолжала Лера Белая. – И чтоб снимал всех участников спектакля, не только актеров, но и режиссера, и сценариста... А потом публиковать его работы. С краткими подписями: «Актриса Стрельникова в сцене репетиции спектакля “Человек из дома напротив”». «Актер Серафимович в образе». Пусть фотограф снимает не только актеров, но и режиссера, и сценариста. Общая концепция – «Люди Сцены». Только не разных сцен, а одной – театра «Хронограф».

Да, именно так и назывался их проект. Люди Сцены.

Света хотела снова похвастаться тем, что всего десять дней назад снимала Олега Рыбакова. Но передумала. Если даже Стрельникова не проявила особого интереса, от этой девочки его и подавно не стоит ожидать.

– Фотограф требовался обязательно не лучезарный, – добавила Лера.

– Какой-какой?

– Ну, такой... – Лера замялась. – Как бы объяснить... Вот представьте: входит фотограф, а на лице у него написано: вы все навоз, а я цветок, что из него произрастает. И аж светится от своего предназначения. Вот это и есть лучезарный.

– Да, – согласилась Света, – я не лучезарный.

– Конечно, это реклама театра! – Лера поправила лямку сарафана. – Все проплачено Виктором. Но кого это интересует? Сейчас все рекламируют всех, уже слова в простоте нельзя сказать: обвинят в пиаре.

Она сочувственно посмотрела на Свету.

– А вы не знали, да?

– Да ничего страшного, – рассеянно ответила Света. Что-то удивило ее в рассказе девушки, но она никак не могла понять, что. – Я бы в любом случае согласилась. Проект интересный, и то, что он кем-то оплачен, не делает его хуже.

Лера поднялась и потянулась, став похожей на сильную гибкую кошку.

– Стрельникова на первом месте в вашем списке. – Певица скривила губы, и Света поняла, что девушка всерьез не любит актрису. – Прикидывается, что терпеть не может сниматься и отказывает всем желающим. Смешно!

– Почему смешно? – удивилась Света. – Многие не любят фотографироваться.

Лера посмотрела на нее с жалостью, как на ребенка.

– Как вы не понимаете! Стрельникова – актриса! У нее работа такая – быть узнаваемой, везде светиться. Для актеров узнаваемость – это популярность, а популярность – это востребованность. – Она заговорила на повышенных тонах. – Тираж журнала – триста тысяч. Триста тысяч человек запомнит ее лицо! Думаете, ей это не нужно?

«Хорошо-хорошо, только не кричите», – хотела попро-

силь Света. Но девушка завелась всерьез.

– Лживая баба! «Ах, я не люблю съемки!» Смешно до чертиков: актриса – и не любит сниматься! Да не любит, а обожает! А вы купились на эту выдумку? Ей хочется, чтобы ее уговаривали. А она бы ставила условия. Кому бы она вообще была нужна, если бы не ее богатенький братец?!

Света собиралась защитить Анну Васильевну. Но вспомнила про «сорок минут на съемку» и не нашлась, что сказать.

Лера замолчала. На щеках ее горели два красных пятна. Она прижала к ним ладони, успокаиваясь.

– Мне нужно переодеться. В сарафане мы уже все отсняли, правда?

Света кивнула. Ее немного озадачила эта яростная вспышка.

Наверное, Стрельникова и впрямь притворялась. Но на то она и актриса, чтобы играть. Пусть даже в повседневной жизни.

Девушка вернулась очень быстро – в джинсах и клетчатой рубашке, завязанной узлом.

– Я немного погорячилась, – извинилась она. – Простите, не хотела впутывать вас в наши разборки. Я недолюбливаю Анну. Она эгоистичная самодовольная тетка, а актриса посредственная. Хотя мнит себя звездой!

«Наши разборки»... Вот оно!

Света наконец-то поняла, что царапнуло ее в разговоре с певицей.

– Подождите... Когда вы говорили о Викторе Стрельникове, вы сказали: «нашего спектакля»?

– Ну да. Вы до сих пор не поняли? Говорю же – одной сцены! Я там тоже играю. У меня маленькая роль служанки, которая страстно желает петь. Очень смешная роль! А вообще пьеса серьезная, даже трагичная.

Возвращаясь домой, Света попыталась объехать пробку на Тверской и застряла в еще худшем столпотворении. Лукавый навигатор обещал провести самым быстрым путем – и обманул. Узкие улочки словно распирало от теснящихся автомобилей. Поток машин отражался в витринах, перетекая из одной в другую.

На светофоре к ее «Ниссану» подбежала глазастая чумазая девчушка лет десяти, размахивая букетиком васильков.

– Пятьдесят рублей! – уговаривала девочка на ломаном русском. – Хороший цветок, купи себе!

Света с улыбкой покачала головой. Ей нравилась девочка, но поощрять этот бизнес она не собиралась.

Двое мальчишек той же характерной внешности, что и девочка, шныряли по дороге, предлагая какую-то ерунду: зарядки для сотовых телефонов, карты, флажки с разной символикой. Их головы то появлялись между машин, то снова исчезали. В искаженном отражении витрины они походили на купальщиков, ныряющих в цветном потоке – тонких, смуглых.

Света достала камеру. Прицелилась, дожидаясь секунды, когда все трое соберутся в отражении.

И вздрогнула.

В видоискателе мелькнула пыльная черная машина, чуть не сбившая ее накануне.

Света отложила фотоаппарат и завертела головой, но тут зажегся зеленый, и ей засигналили со всех сторон. Пришлось ехать.

Машина больше не появлялась. Подумав, Света поняла, что ошиблась. В Москве тысячи грязных черных автомобилей. Почему ей вдруг подумалось, что это тот самый?

– Никакой логики, – вслух сказала Света, ползя за красным «Фольксвагеном». Она видела в зеркало его водителя. Тот разговаривал по телефону, рулил и ухитрялся одновременно жестикулировать.

«Виртуоз!»

И все-таки, отчего она так испугалась? Будто за спиной прошел призрак.

Света медленно ехала в пробке, поглядывая по сторонам. В какой-то миг ей показалось, что пыльный черный капот вновь мелькнул неподалеку. Она даже привстала, пытаясь рассмотреть водителя.

Но тут виртуоз с телефоном выпал из реальности, внезапно ускорился и догнал скромный «Акцент». Выглядело это так, словно одна машина разозлилась и наподдала другой в зад. «Акцент» вздрогнул, фыркнул и встал.

Света охнула и отчаянно замигала правым поворотником, просясь в соседний ряд.

– Товарищи, пустите меня, ну пожалуйста! Здесь авария!

Джипы с надменными блондинками за рулем протекали мимо, равнодушные к ее подмигиваниям. Женщины почти никогда не пропускают – это Света знала очень хорошо. Зато старенькая, выдавшая виды «Нива» остановилась и терпеливо ждала, пока она выберется из-за столкнувшихся машин.

«Виртуоз» стоял с сокрушенным видом, рассматривая смятый бампер. Зато водитель «Акцента» не безмолвствовал: на всю улицу он сообщал, что думает по поводу идиотов, разговаривающих по мобильнику за рулем.

До Светы донеслась лишь часть его выступления. Но она решила, что могла бы подписаться под всем. Даже под теми выражениями, которые смутили бы самого певца Каната.

Пока она лавировала между полосами, черный автомобиль исчез. А на следующем светофоре пробка рассосалась, и Света заторопилась домой, забыв обо всем.

Двор к полудню стал как подгоревший блин: черный и горячий. Света брела от стоянки – и плавилась. В голову назойливо лезла мысль о том, что она на целых пятнадцать сантиметров ближе к солнцу, чем среднестатистическая женщина. Конечно, нелепо огорчаться из-за этого. Но Свете хотелось жалеть себя, и она огорчилась.

Навстречу прошла невысокая толстушка, утирая пот с покрасневшего лба. Света вдруг представила, что бедная жен-

щина на целых пятнадцать сантиметров ближе к раскаленному асфальту, чем она. И немедленно приободрилась.

В кармане загудел телефон, словно пробравшийся туда шмель. Света была уверена, что звонит Дрозд, и уже собиралась поделиться с ним глупостями, которые от жары забродили в ее голове. Но это оказалась секретарь Ниночка. Она желала знать, как все прошло у Стрельниковой.

– Насыщенно, – сказала Света, не погрешив против истины.

– А о чем вы с ней беседовали? – сладким голосом поинтересовалась Ниночка.

Света помолчала секунду и сказала совершенно искренне:

– О вышивке.

– У, как скучно, – протянула секретарь.

Свете стало жаль ее разочаровывать, и она прибавила:

– И об эскапизме.

– Ага, – сказала Нина и быстренько попрощалась.

«Ну, вот и я внесла посильный вклад в повышение уровня образованности населения», – удовлетворенно подумала Света. У нее не было ни малейших сомнений, что, положив трубку, Ниночка бросилась в Википедию искать значение неизвестного слова.

Телефон загудел вновь.

– О каком еще эскапизме вы беседовали? – хмуро спросила Ниночка. – Вы, Светлана, все выдумываете. Разыгрываете меня, да? Не смешно.

Света озадачилась. Она почти подошла к своему подъезду, а в подъезде телефонная связь пропадала. Поэтому ей пришлось замедлить шаг.

Озарение пришло за три метра до ступенек.

– Нина, «эскапизм» пишется через «э», – сказала Света, стараясь не засмеяться. – Вторая – «а». Не от слова «ископаемые», понимаете?

– Я все понимаю, – многозначительно заявила Нина и отключилась.

Света шагнула под спасительный козырек подъезда. Наконец-то тень! Она зарылась в сумке, ища ключи.

За спиной раздалось мягкое шуршание шин. Света подумала, что звуки тоже обессилели от жары. Они стали приглушенные и едва слышные. Вот, например, машина – едет, как будто крадется.

Наконец-то ключи нашлись! Она потянула их из сумки, но вредная связка выскользнула из влажной ладони, и пришлось наклониться за ней.

Грянул гром. Он будто расколол пополам притихший двор. В одной его половине обезумевшее эхо заметалось между стен. В другой взвизгнули шины и застучал гравий, полетевший из-под колес.

А вверху отчаянно забили крыльями птицы, в панике сорвавшиеся с крыши.

От жуткого грохота Света едва не оглохла. А когда наступила тишина, обнаружила себя сидящей на корточках и об-

хватившей голову руками.

Она встала, чувствуя, что ноги подгибаются, и оперлась рукой о дверь. Сердце колотилось как бешеное.

– Нельзя так людей пугать, – дрожащим голосом сказала Света в пространство. – Так ведь можно и инфаркт...

Палец ее скользнул в небольшое горячее углубление на металле. Один палец из растопыренной пятерни, прижатой к двери.

Света посмотрела на дверь. Потом перевела взгляд на чистое голубое небо без единого облака. Затем на дорогу, где минуту назад притормозила машина.

А потом ее перепуганный мозг совместил эти три факта.

Солнце вмиг перестало греть. Свету окатило холодом, приморозило к двери, будто ребенка, лизнувшего на стуже опору качелей. В животе заворочалась ледяная игла страха.

Правой рукой, окоченевшей до кончиков пальцев, Света достала телефон.

– Леш, – выговорила она, с трудом ворочая языком. – В меня стреляли.

Глава пятая, *в которой Кот разговаривает*

Когда Света вышла из отдела полиции, уже вечерело. Солнце просачивалось сквозь листву и плескалось на асфальте желтыми лужами.

Дрозд поднялся со ступенек и шагнул к ней, на ходу метко швырнув сигарету в урну.

«Ты что, курил?!» – хотела задать Света великолепный в своей бессмысленности вопрос.

Но Дрозд опередил ее.

– Из чего стреляли? – жестко спросил он. – Следователь тебе сказал? Из травматики?

Света молча смотрела на него, опешив от вопроса. Дрозд должен был пожалеть ее, а она бы заплакала, уткнувшись в подставленное мужественное плечо. Так было всегда: она плакала, он жалел. Плакать в Лешку было удобно – Светкина голова находилась как раз на уровне его плеча. Дрозд даже цинично замечал, что будь он низкорослым, она не рыдала бы с такой готовностью по любой ерунде.

А сейчас Свете очень хотелось заплакать. Ей пришлось долго ждать следственно-оперативную группу, потом с ней долго разговаривал молодой следователь с непроизносимым именем «Константин Мстиславович», каждую фразу предва-

рванный междометием «ну». Кажется, пытался выбить признание, что она папарацци и отсняла горячий материал. А Света объясняла ему, что она совсем другой фотограф, не тот, снимки которого помещают на первые страницы желтых газет, обводя существенные детали красными кружочками. Она делает портреты, а еще снимает животных и облака, тени и отражения, дороги и мосты. Все, что увидит. И получается не просто пойманное мгновение жизни, а диалог. Возможность общения с бесконечным количеством собеседников посредством одного-единственного кадра. Он говорит за Свету то, что она не может или не умеет выразить словами.

Света была убедительна. Так убедительна, что следователь проникся, слушал, кивал, и на лице его было понимание и сочувствие.

А потом, когда она выдохлась и замолчала, спросил:

– Ну, а вот эти актеры – они знают, что вы их снимаете?

Все это Света собиралась выплакать Дрозду. И свой страх тоже. Со страхом всегда так: его можно либо выплакать, либо загнать вглубь. А загнанный вглубь страх – это черная дыра. Ты живешь себе своим космосом, лелеешь звезды, прокладываешь млечные пути, а внутри тебя черные дыры. И не знаешь, в какой момент они начнут засасывать в себя окружающую материю, лишая тебя и звезд, и млечных путей, и всего, чему ты радовался в своем космосе.

– Света, из чего стреляли? – повторил Дрозд и взял ее за плечи, будто собираясь встряхнуть.

– Из чего-то вроде «Макарова», – быстро сказала она, почему-то расхотев плакать. – Экспертиза потом скажет точно.

Дрозд выругался и отпустил ее.

– По какой статье завели дело? Хулиганство?

– Откуда ты знаешь?

– Ясно... – Лешка поморщился. – Ты рассказала следователю про ту машину?

– Да.

– И он, конечно, уверяет, что это совпадение.

– Он говорит, что пока нет оснований предполагать связь между этими двумя происшествиями.

– Да уж конечно... – пробормотал Дрозд, обдумывая что-то. – Ладно, поехали. Дома расскажешь.

Он взял ее под локоть и повел вниз по ступенькам.

– Что расскажу?

Дрозд на секунду остановился и взглянул на нее своими ярко-голубыми глазами.

– То, что не рассказала вчера.

Когда Света открыла дверь, Тихон радостно бросился к ней под ноги, изображая циркового кота. Это означало, что он собирается обогнуть сначала хозяйкину левую ногу, потом правую, потом снова левую, и снова правую. То, что в процессе Света неизбежно должна запнуться об него и грохнуться, Тихона не заботило.

Так случилось и на этот раз: Тихон ужом завился у нее

между ног, Света споткнулась и чуть не упала. Ее подхватил Дрозд, ловко увернувшись от вешалки.

– Мы поменялись ролями, – заметила Света. – Ты ничего не задел.

– Ты тоже думаешь, что это не хулиганство? – спросил Дрозд, словно бы не услышав.

Света сглотнула.

– Я пока еще ничего не думаю. Но если это не оно, я не понимаю, за что меня хотят убить.

...– и это был манекен, – закончила Света, обеими ладонями обхватив чашку. За время рассказа она не отпила ни глотка кофе. – Понимаешь, я видела его своими глазами! Просто кукла в человеческий рост, вот и все! И я не могу понять, как... то есть что вообще...

Она замолчала.

– Ты уверена, что это был не человек? Например, с маской на лице?

– Да нет же, Леш. Думаешь, я не отличу труп с маской от манекена?

– Иногда ты бываешь крайне невнимательна, – пробормотал Дрозд, о чем-то думая.

– Не в этот раз, поверь мне.

– И больше ничего необычного не происходило?

– Нет. То есть вообще. Следователь тоже расспрашивал меня об этом, а потом сказал, что в нашем районе завелись

подростки, которые стреляют по прохожим из пистолета.

– Завелись, – подтвердил Дрозд. – Только они стреляют из травматического пистолета. А в тебя палили из огнестрельного. И не попали только случайно.

Свете снова стало холодно. Она крепче обхватила чашку.

– Леш, а ты не думаешь, что следователь прав? – спросила она почти умоляюще. – Вчера ничего страшного не случилось, просто попался неумелый и непорядочный водитель. Сегодня мне привиделась та машина, а потом не повезло столкнуться с подростками. Вот и все!

Но Дрозд отрицательно покачал головой.

– Ничего тебе не привиделось. Если ты решила, что машина та же самая, значит, так оно и было.

– Но почему?! – воскликнула Света. – Я же не работник наружного наблюдения! Не шпион! Ни номера, ни марки...

– Ты фотограф, – напомнил Дрозд. – Тебе не нужны ни номер, ни марка. У тебя в голове встроенная камера. И не спорь, я тысячу раз видел, как это работает. Ты сама не понимаешь, насколько наблюдательна. Ты при мне узнала мальчишку, которого видела единственный раз в жизни на пляже в Сочи. Двадцать лет спустя узнала, Света!

– Мы с ним швырялись камнями, – пробормотала она.

– Это, конечно, сближает людей, но не настолько. У тебя фотографическая память. Нет, машина была та самая! За тобой следили от дома певички, а потом улучили удобный момент и выстрелили. Жара, во дворе никого. Идеальное место

для покушения.

Света вынуждена была согласиться, что место подходящее. Главное – подходящая погода. Даже вездесущие старушки не бдили у окон, опасаясь расплавиться.

Но сейчас, когда она сидела в уютной квартире с чашкой кофе в руках, версия с покушением казалась ей все менее реальной.

– Леш, кому я нужна? – проникновенно спросила она. – Зачем в меня стрелять? Я не снимаю политиков скрытой камерой, не перебегаю дорогу конкурентам, желающим мне смерти! Все-таки следователь прав.

Дрозд тяжело вздохнул.

– Несколько дней назад, пятнадцатого, убили Олега Рыбакова. Он был найден лежащим на кровати, с ножом в спине.

– Что?! – ахнула Света, меняясь в лице. – Господи, Леша...

Она прижала ладонь к губам. Этого не может быть! Она приезжала к Рыбакову совсем недавно...

– Почему ты мне сразу не сказал?!

– Не знаю. Не хотел тебя расстраивать, наверное. Или сам пытался осознать, что Олега убили. О его смерти писали в прессе, но ты ведь не читаешь газет. И не смотришь новости в интернете, потому что у тебя не хватает времени с этим проектом.

Света качнула головой, приходя в себя от страшного известия.

– Убийцу не нашли?

– Нет. Меня уже опрашивали, и я уверен, скоро очередь дойдет и до тебя. Учитывая его образ жизни...

Дрозд замолчал.

– Учитывая его образ жизни, я могла быть последней, кто видел его живой, – закончила за него Света. – То есть предпоследней.

– Да.

Света закрыла глаза.

* * *

Доехать до деревни с красивым названием Малиновка получилось лишь с третьей попытки. Дорогу подсказал старик, появившийся из ельника, точно леший. Вот только у леших редко висят за спиной охотничьи ружья.

– Проехала ты, девушка, развилку, – проскрипел старик. – Надо тебе назад ехать, до озера, а оттуда левее взять. Как до березняка доберешься, так сворачивай направо, только не сразу: первую дорогу пропусти. Первая, она в лесничество ведет. Да и до него не доедешь, там давеча размыло. Заплутаешь.

Из всех указаний Света восприняла только последнее слово. Заплутает, непременно заплутает. И без того уже час колесит по проселочным дорогам. Вернее, по проселочному бездорожью.

– Проводите меня, пожалуйста! – взмолилась она. – А я вас потом обратно довезу до этого же места. Мне главное дорогу запомнить!

Леший посмотрел на машину без энтузиазма.

– Проводить... – с сомнением протянул он.

– Пожалуйста! Хотя бы до той первой дороги.

– Да не первой, а второй! Эх, ладно! Уговорила.

Он, кряхтя, забрался на переднее сиденье, поставил ружье между колен, и машина тронулась. Почувствовав себя штурманом, Светин провожатый приосанился.

– Что ж тебя в Малиновку-то понесло? – спросил он. – Или к родне?

– Там один человек живет. – Света высматривала обещанный березняк. – Переехал из Москвы два года назад.

– А, слышал про него. Говорят, сидит у себя, как сыч, и носа наружу не кажет. Все один да один. Собаку только привез с собой. Той осенью воры шарили по огородам, все деревни обошли. Картошку, значит, по ночам выкапывали. И к нему залезли. Собака забрехала, а товарищ твой выскочил и давай палить по мужикам. – Старик неодобрительно покачал головой. – И не солью палил, а по-настоящему, без дураков. Кто так делает! Приезжие одни только. Разве ж это по-людски!

– А как по-людски? – заинтересовалась Света. «Вот так дедушка мне попался. Гуманист!»

Старик степенно огладил бороду.

– Хочешь проучить – ну, схвати вилы, догони ворюгу да

ткни в бок пару раз. Вот здесь сворачивать надо было.

Света ударила по тормозам.

– Что ж вы раньше не сказали?

– Так я ж с тобой разговаривал, – удивился старик. – Ну, давай, высаживай меня. Сам дойду. И ты дальше сама.

Когда машина тронулась, он крикнул вслед:

– В Малиновку-то не суйся, встань у околицы! Там лужи непроезжие!

...Малиновка оказалась на удивление большой деревней. Домики, правда, стояли старые, неказистые. Кое-где палисадники совсем заплонила бузина, а ступеньки провалились, будто под пятой великана.

Но в траве паслись гуси. Они поглядывали на Свету так плотоядно, словно это ее должны были подать им к рождественскому столу. На заборе сидел горластый петух и проповедовал собравшимся внизу курам. А чуть поодаль вокруг колышка кружилась белая коза с пятном на боку. Выражение морды у нее было мечтательное: кажется, она воображала себя балериной.

Света подумала, что в чем-то понимает Рыбакова, укрывшегося в этой деревушке.

Он сбежал два года назад. Никто не понял причин такого поступка. Кто-то решил, что Рыбаков тихо свихнулся, не выдержав груза собственного таланта.

А таланта и в самом деле выдано было с избытком. В юно-

сти Олег начинал играть в КВН и пробился с командой в Высшую Лигу, затем неожиданно ушел в барды, где сразу стал звездой крупных фестивалей. Он выпустил свой диск, его песни распевали туристы. Но не успело слово «бард» прочно закрепиться за Рыбаковым, как он бросил авторскую песню и подался в актеры. Исполнил несколько ролей в нашумевших спектаклях – и осел в театре «Хронограф».

Рамки актерства быстро стали ему тесны. Рыбаков начал писать. Скетчи, стихи на злобу дня, рассказы... Театру требовался репертуар, и Олег взялся за пьесы. Попутно он играючи создал несколько сценариев, которые мигом купило телевидение.

У этого разносторонне одаренного человека все получалось. Были друзья, успех, признание публики...

И вдруг все оборвалось. Олег заявил, что уезжает и больше не вернется в Москву. Отсек от себя прежнюю жизнь, запретил навещать его. Закрывшись в доме, он продолжал работать. Созданное отправлял по электронной почте заказчикам, но никогда не интересовался судьбой своих произведений.

Одни говорили, что причиной перемены судьбы стала несчастная любовь. Другие винили во всем священника, с которым Рыбаков оказался в одном купе, возвращаясь из Питера в Москву. Якобы священник сказал ему что-то такое, что заставило Олега переосмыслить жизнь. Третьи утверждали, что Рыбаков возомнил себя великим писателем и в

глуши кропает роман-нетленку.

Как бы там ни было, уже два года Рыбаков жил отшельником, и чужих к себе не пускал.

Когда Светлане заказали проект «Люди Сцены», ее сразу спросили: «Сможете выйти на Рыбакова? Он ведь как раз пишет для театра, да и сам по себе незаурядная фигура. Наверняка нашим читателям будет интересно увидеть его на страницах журнала».

Света честно сказала, что не сможет. Выходить на кого-то – это не ее функция. Ее задача – только приехать и сфотографировать. Почему бы сотрудникам журнала самим не договориться с Рыбаковым о съемке?

– А нам он не отвечает, – вздохнула ее собеседница. – И писали ему, и звонили! Игнорирует. Эх, как жаль, что некому убедить его сняться у вас...

Но оказалось, что есть кому.

– Давай я позвоню Олегу, – предложил Дрозд, когда Света поделилась с ним. – Поговорю. Составлю тебе, так сказать, протекцию. Правда, я слышал, что у него чердак переехал в подвал.

– Вы знакомы?! – поразилась Света, пропустив про чердак мимо ушей.

– Чему ты удивляешься? Он до своего затворничества был общительным чуваком. Помню, как-то выпивали мы на «Зеленых Холмах». Это типа слета...

– Я знаю, что такое «Зеленые Холмы», – заверила Света. –

Когда сотни чуваков с гитарами собираются на берегу реки, беспробудно пьянствуют и поют романтические песни. А в перерывах между песнями предаются блуду. Я все правильно изложила?

Дрозд возмутился:

– Почему же обязательно романтические? Разные. Вот, например, про Монашку и Осла...

Он засвистел было веселый мотивчик, но под Светиным взглядом осекся.

– Прости, уклонился от темы. В общем, могу поговорить с Рыбаковым. С меня не убудет.

И позвонил, и договорился. А после старательно напускал на себя скромный и безразличный вид, пока Света ахала и восхищалась.

– После, аплодисменты и цветы после, – в конце концов сказал Лешка. – Ты еще с ним не работала. Вдруг в процессе стукнешь Рыбакова экспонометром по башке и проклянешь тот миг, когда я уломал его на съемку!

– С чего это? – подозрительно спросила Света.

– Ну, знаешь ли, он сильно изменился. Это даже по телефону слышно.

– Нет, я не об этом. С чего это я стукну его экспонометром? Уж я найду, чем дать по башке, если припрет.

Дом Рыбакова оказался очень захламленным. Пока Света

шла за хозяином, ей под ноги подвернулись четыре собачьих миски, сломанная швабра, большой кусок обоев, исписанный с обратной стороны, куча каких-то деревяшек и совсем странное: оторванный рукав белого халата. Света заинтересовалась было, где хозяин халата, но, подумав, решила, что спрашивать не стоит. Рыбаков выудил откуда-то самодельный стул, поставил перед Светой. Сам сел на продавленный диван.

– У меня очень много дел, – сухо сказал он.

Это переводилось так: «Я очень занятой человек, и вы мне мешаете. Будьте любезны, заканчивайте побыстрее с вашей ерундой и проваливайтесь».

И Света прекрасно поняла, что от нее требуется: извиниться и подтвердить, что она быстренько-быстренько делает свою работу – и уйдет.

Вместо этого она ответила в тон Рыбакову:

– У меня тоже.

Света не играла в эти игры. Не хочешь сниматься – откажись. Никто не заставлял тебя под дулом пистолета. А если согласился, не веди себя так, будто перед тобой назойливый проситель.

Пару секунд она думала, что Олег выгонит ее. Но он усмехнулся и встал:

– Что ж, тогда начнем.

Вскоре после начала съемки Света почувствовала, что за-

дышается среди вещей. Их слишком много! Полосатый шарф на полке свернулся клубком, словно аспид. Дряхлый комод с вывалившимся ящиком, как старик с отвисшей челюстью, смотрит из угла. На столе вперемешку – чашки, книги, ноутбук, пепельница, обломки карандашей... Вещи лезли в кадр, вытесняли оттуда человека. Вещи считали, что они важнее.

И в памяти почему-то возник другой дом. Ее собственный.

После смерти отца мама вдруг начала собирать статуэтки. Вся квартира была заставлена дурацкими фарфоровыми фигурками. Пастушки, слащавые собачки, кошечки с бантиками... Свете казалось, что среди них мама уменьшается ростом. Как будто пытается стать такой же, как они. Спрятаться на полке, потеряться среди улыбчивых дам и кавалеров.

И Света ненавидела их за это всей душой.

А фигурок становилось все больше и больше. Они распространялись по всем поверхностям, точно плесень. Света как-то задумалась о том, чтобы выкинуть их все или разбить вдребезги, но ее остановило нехорошее предчувствие.

А потом наступил день, когда она поняла. Мама стирала пыль со своих безделушек, и на лице ее играла отрешенная улыбка. Руки бережно касались фарфоровых изгибов, легко скользили по ним. Света со странным чувством следила за мамиными пальцами. Ей хотелось закричать, чтобы вывести ее из транса. Нагрубить, обидеть – пусть она лучше плачет, чем так улыбается!

Отчим в соседней комнате включил телевизор, и хор из «Обыкновенного чуда» пропел:

Займемся обедом, займемся нарядами,
Заполним заботами быт.
Так легче, не так ли?
Так проще, не правда ли?
Не правда ли, меньше болит?

Мама кивала задумчиво в такт музыке. Она не вслушивалась в слова. А Света услышала.

И вспомнила недавний разговор с Дроздом. «Как она могла после папы выйти замуж за этого?! – кричала тогда Света. – Как она вообще могла так быстро выйти замуж?!»

Лешка посмотрел на нее очень взрослым взглядом. И сказал то, что она никак не ожидала услышать.

«Ты знаешь, в Англии одно время существовал интересный закон. Вдовцам и вдовам запрещалось создавать новые семьи в течение, кажется, двух лет после смерти супруга. Как ты думаешь, почему?»

– Потому что это аморально, – хмуро ответила Света.

– Дело не в морали! Закон защищал их имущество, чтобы из-за скоропалительного брака оно не переходило в руки недостойного человека.

– Ни один нормальный человек не станет так быстро жениться после смерти того, кого он любил!

– Ты ошибаешься. Многие из них очень быстро выходили

замуж. Буквально за первого встречного. Причем так поступали именно те, у кого брак был удачным.

– Но почему?!

– Потому что они привыкли быть счастливыми, Света.

Дрозд помолчал, дожидаясь, пока смысл его слов дойдет до нее.

– Тот, кто был несчастен, овдовев, наслаждался свободой. А тот, кто любил супруга, стремился побыстрее найти новую пару. Людям казалось, что так они опять обретут счастье».

...Песня закончилась. Света подошла к полке и принялась расставлять фигурки, зная, что никогда не разобьет ни одну из них.

– Они такие красивые, правда? – Мать со смущенной улыбкой смотрела на нее.

– Очень, – сказала Света. – Очень красивые.

И когда мама вышла из комнаты, даже смогла не расплакаться.

* * *

Почти все время Рыбаков молчал. Это было не враждебное молчание, просто погруженность в себя. Лишь один раз он очнулся от своей задумчивости, когда Света заметила старенький телевизор и вслух удивилась:

– Неужели здесь ловит?

– У меня антенна на крыше, – ответил Олег. – Не такая

уж тут глушь. К сожалению.

– Я с трудом нашла к вам дорогу.

– Потому что ехали через Завидово. А можно было с другой стороны – и проще, и быстрее. А в пяти километрах отсюда электричка ходит.

Света мысленно поклялась, что поставит на навигатор другую программу. Или лучше купит бумажную карту.

– У меня один канал настроен: «Культура». – Рыбаков говорил глуховато. – Там неплохие фильмы бывают. Недавно «Золотого тельца» смотрел, новую экранизацию.

– Меньшиков вас не разочаровал? – спросила Света, чтобы поддержать разговор. Рыбаков выглядел немного сонным, ей хотелось его чуть расшевелить.

Рыбаков не просто расшевелился, а вскинулся.

– Меньшиков – отличный актер! – резко ответил он. – Но кто такой актер, вы понимаете? Это сосуд! Его наполняет режиссер. Идеальный актер – это совершенно пустой сосуд, который можно наполнить чем угодно. И когда вы говорите: «ах, удивительно, что такой отличный актер Сидоров так плохо сыграл роль Гамлета», это неверно! Вы должны говорить: ах, как плохо режиссер использовал такого отличного актера Сидорова. Режиссер, понимаете? Это будет справедливо.

Он помолчал и повторил, успокаиваясь:

– Справедливо...

Перед уходом Света не выдержала:

– Олег Иванович, можно один вопрос?

– Один можно, – разрешил Рыбаков.

– Я знаю, вы не любите посторонних в своем доме...

– Не посторонних тоже не люблю. Кроме вас здесь никого и не было. Почти никого.

– Тогда почему вы согласились на эту съемку?

– Потому что за мной был должок Дрозду. А теперь мы с ним квиты.

– Какой должок? – живо спросила Света.

Ей показалось, что в непроницаемых глазах Рыбакова мелькнуло злорадство.

– А это уже второй вопрос.

* * *

– Давай сначала, – сказал Дрозд. – Итак, ты приезжала к Рыбакову, чтобы сфотографировать его для журнала. Несколько дней спустя Олега убили. Причем в точности так, как в его последней пьесе: закололи ножом. Зачем так сложно? Есть масса более простых и верных способов убить человека. Кто-то очень хотел, чтобы его гибель соответствовала тексту.

– А ты читал эту пьесу – «Человек из дома напротив»?

– Сразу же, как только узнал о его смерти. Света, никаких совпадений. Рыбаков адаптировал для театра старый добрый английский детектив.

– Единство места и времени, замкнутый круг подозреваемых?

– Угу.

– А кто жертва? Писатель? Актер?

– Добропорядочный буржуа. Его семья начинает склоки вокруг убитого, выплывают неприглядные детали их жизни. Света задумалась.

– Где-то я это уже читала...

– Я тоже, причем не один раз. Идея не нова. Только у Рыбакова в силу обстоятельств герои вынуждены несколько часов находиться с трупом в одной комнате. Напряжение нарастает, все приобретает оттенок абсурда, и они начинают обращаться к нему как к живому. Ну и так далее. Местами смешно, местами жутко.

– Но на нашу ситуацию не проецируется никак.

– Абсолютно. Даже за уши ничего не притянешь. – Дрозд машинально подергал себя за мочку уха. – Ладно, поехали дальше. Вчера ты отправилась к актрисе, играющей в спектакле по пьесе Олега, и в ее квартире случайно наткнулась на труп. То есть на манекен, который требовался для репетиции. Он лежал в том положении, которое описано в тексте...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.